

18+
содержит
нецензурную
брань

БУДЕТ БОЛЬНО, ПРИЯТЕЛЬ!

ГЕОРГИЙ ЮРСКИЙ

Георгий Юрский
Будет больно, приятель!

«Автор»

2022

Юрский Г.

Будет больно, приятель! / Г. Юрский — «Автор», 2022

Даниил Смирнов, сотрудник службы противодействия коррупции Федеральной Таможенной Службы, мечтает о настоящем деле – переходе в Оперативную таможню, чтобы ловить настоящих контрабандистов. Там не против, но предлагают Даниилу доказать профпригодность, раскрыв громкое преступление. Вскоре Смирнову представляется случай для карьерного скачка. Одна российская компания замечена в нарушении законов, хищении средств бюджета в особо крупном размере и, возможно, в пособничестве террористам. Даниил рьяно берется за дело. И... обвиняется в двойном убийстве и объявляется в розыск. Чтобы вернуть себе свободу и честное имя, Смирнов вынужден сменить не одну страну и открыть для себя такие стороны жизни и самого себя, о которых никогда не задумывался ранее. Книга содержит нецензурную брань.

© Юрский Г., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Георгий Юрский Будет больно, приятель!

Георгий Юрский

* * *

Глава 1

Утро у Даниила Смирнова не задалось. Внезапно приостановили скоростные электропоезда из области до Москвы. С обычной электричкой он опоздал бы на работу на час-полтора, поэтому покинул железнодорожную станцию и отправился на автостоянку. Все такси, как и ожидалось, были уже расхvatаны. Даниил стал искать в смартфоне сервис совместных поездок, там тоже все было глухо. Подняв глаза, увидел паркующуюся машину каршеринга. Лихорадочно вспоминая, есть ли у него доступ к машинам именно этого сервиса, он припустил бегом к машине. Однако прямо перед ним уже появилась пара студентов, открывающих автомобиль и поздравляющих друг друга с удачей.

– Ребята, подбросьте до города, а? До любого метро, – обратился к ним Даниил.

Понимая, что в глазах студентов может выглядеть угрожающе (сто восемьдесят сантиметров роста, развитая мускулатура, короткая стрижка, одет по-простецки: джинсы со спортивной курткой), он максимально дружелюбно улыбнулся:

– Такая задница, никак не уехать! Подбросьте, пожалуйста. С меня – кофе, – попытался сломать лед Даниил.

– Давай, – студенты не слишком обеспокоились неожиданным попутчиком, – кофе не надо, мы уже по два выпили. Час тут стоим.

Ехали до Москвы довольно долго, собрали все пробки и заторы перед МКАД. Даниил уже прокручивал варианты оправдания перед начальником, вдруг пикинул смартфон, информируя о новом сообщении. Смирнов уже полгода трудился в службе противодействия коррупции Федеральной Таможенной Службы (СПК ФТС). Прикомандирован он был к столичной таможне, где числился оперуполномоченным по особо важным делам. Попал туда достаточно кружным путем.

Родился Даниил в годы перестройки в маленьком подмосковном городке. Он был единственным ребенком в семье двух инженеров. С возникновением капитализма отец стал сначала кооператором, потом предпринимателем и скоро ушел из семьи. Маленький Даня остался с матерью, хотя отец периодически его навещал. Ну как навещал: присылал машину с водителем, она забирала Даню, везла его либо в особняк на Рублевке, либо в очередную новую квартиру. Отец ласково трепал сына по щеке, спрашивал об успехах в школе и, не дожидаясь ответа, вручал дежурный подарок. Подарки были недешевые, но не всегда уместные. Например, дорожные кроссовки Nike Air, только появившиеся в России, были объектом зависти одноклассников. Но от гопников, пару раз собравшихся их отжать, приходилось убегать. Мобильный телефон Nokia, как у Тринити в «Матрице», было очень круто получить, но денег на сотовую связь Дане не хватало, и он пользовался им для игры в «змейку». Еще отец периодически подгонял деликатесные продукты, так что жареная картошка на ужин вполне могла сопровождаться королевскими креветками или камчатскими крабами.

Когда Даня стал постарше, отец начал брать его с собой на охоту в свои угодья. В новой семье у него были две дочери, а приобщать детей к своим интересам отцу хотелось. На природе общение получалось более полноценным, но особого влияния отец на жизнь Дани не оказывал. Советы были банальными: «учись, сынок», «занимайся спортом», «вредные привычки забудь» и так далее. Учитывая, что папа был не дурак выпить да и любовниц брал на охоту, положительным примером он для Дани не стал.

К моменту Данькиного совершеннолетия отец скоропостижно скончался. Завещания, как водится в России, он не оставил, и все нажитое непосильным трудом отошло последней жене, Виктории. Та на похоронах заявила: «Уж сколько я с ним намучилась – свое наследство заслужила, а вас никого не знаю». Даня понимал, о чем она говорит. За неделю до смерти они

ездили с отцом на открытие охоты на уток. С вечера засели в шалаше на берегу, выставили чучела на воду и до рассвета разговаривали. Точнее, это был монолог отца. Тот рассказывал о том, что нынешняя жена его не понимает, что он встретил «ту самую, настоящую, любовь» и в ближайшее время планирует сообщить об уходе, но волнуется за девочек, поэтому пытается найти верные слова и так далее. Даня с трудом понимал, что именно от него хочет услышать отец, поэтому всю ночь отмалчивался. Хотя и не считал отца особо сентиментальным, списал его сердечный приступ на волнение перед разговором.

Мать Дани очень тяжело переживала уход отца, называла Викторию не иначе как «эта дама», что в устах интеллигентной женщины звучало крайне презрительно. Это был далеко не первый роман у отца, поэтому Виктория действительно от него натерпелась, поэтому с ее решением никто особенно не спорил. Так что Даня и прочие родственники остались ни с чем. Но, как ни странно, все охотничье снаряжение мужа, равно как и пикап «Ниссан-Наварра», специально для охоты купленный, Виктория отдала Даниилу. Это был, конечно, мизер, по сравнению с полным наследством, но таковы законы о наследовании. Нет завещания – все жене.

Всю свою юность Даня провел между спортзалом, где тренер по дзюдо – Николай Степанович – взял над ним шефство, и компьютером. Спорт давался легко, но наставник с порога объявил всем своим воспитанникам, что не собирается создавать из них олимпийских чемпионов, а просто сделает нормальных людей. Во многом у него это получилось. Все друзья Дани, хоть и не сделали сумасшедших карьер, выросли приличными людьми. И если в юности ребятам казалось, что надо ставить высокие цели, то по прошествии времени стало ясно, что тренер был прав. Несколько Данькиных одноклассников, подававших серьезные надежды, в итоге остались и без спортивных карьер, и без профессий. Всю школьную программу они пропустили из-за тренировок, а в большой спорт не попали.

Николай Степанович все это прекрасно понимал и, трезво оценивая перспективы своих ребят, ставил реальные цели. Например, Дане – получить КМС, то есть стать кандидатом в мастера спорта по дзюдо. Даниил, хоть и с большим трудом, проиграв пару раз решающие поединки, которые давали бы право на это звание, к девятнадцати годам получил заветный значок.

В армию Даню не взяли из-за какой-то редкой аллергии. В то время служба в вооруженных силах внезапно стала престижной – военкоматы не бегали за уклонистами, а наоборот отбраковывали почти годных солдат.

Отец уже не мог участвовать в профориентации сына, а мать искренне считала хорошей любую профессию, кроме своей. Поэтому Даниил самостоятельно выбирал свой путь. Преподавание иностранного языка в его родной школе было посредственным – сказывалось желание учителей равняться на отстающих. Смирнов в начале года пролистывал учебник английского и искренне скучал на уроках. Денег на репетитора в семье не было, отца просить они с матерью как-то стеснялись, поэтому выход в освоении языка был найден в просмотре сериалов. Если голливудские фильмы еще худо-бедно переводили на русский, то многосерийные саги, как правило, сопровождались субтитрами и шли на языке оригинала. Лучшей тренировки для изучающего английский и представить себе нельзя! Даня смотрел все подряд: и ситкомы, и фэнтэзи, и судебные драмы. Но лучше всего заходили полицейские сериалы. Они и определили профессиональное предпочтение. Первым многосерийным фильмом, запавшим в душу Дани, был «Blue blood» – про семью нью-йоркских полицейских, потом пошли «CSI», старенький «Miami vice»... Русский кинематограф тоже расстарался к этому времени. «Ментовские» сериалы слегка героизировали профессию сыщика. В начале 2011 года президент Медведев переименовал милицию в полицию, и выбор Даниила был сделан.

Николай Степанович принял активное участие в судьбе Даниила и еще нескольких ребят, решивших предпочесть карьере охранника (самый очевидный выбор в их городке) карьеру в МВД, и составил им протекцию. Они получили от местного ОМВД направление, смогли

подтянуться больше четырех раз, пробежать сто метров за пятнадцать секунд и один километр – за четыре минуты.

Обучение пролетело довольно быстро, и настала пора распределяться. Сотоварищи звезд с неба не хватало – попали в ГИБДД, Смирнов же упорно хотел в уголовный розыск. Туда его с удовольствием взяли. Реальность сразу его ошарашила.

Первое, что бросилось в глаза, – жуткое материальное обеспечение. Каждый выезд на место преступления – это квест серьезного уровня. Служебные уазики и газели либо были поломаны, либо стояли без бензина. А преступники, как назло, выбирали самые труднодоступные уголки района для своих деяний. Даниил начал брать на выезд отцовскую «Наварру». Официально компенсировать использование личного автомобиля ему не могли, да и талоны были только на семьдесят шестой бензин. Для дизельной «Наварры» это было не лучшее предложение. Как-то раз Смирнову пришлось разбираться с сожженной маршруткой. Задавшись тривиальным вопросом *Cui Prodest* (кому выгодно), он нашел конкурента в маршруточном бизнесе и за пару часов изобличил его в поджоге. Потерпевший, прыгающий от радости из-за быстрого раскрытия, да еще после легального устранения конкурента, взялся решить проблему с соляжкой.

С компьютерным обеспечением было еще хуже. Наступивший XXI век не исключил использования печатных машинок в отделах полиции. Тут тоже Даниилу помог вызов.

В их районе был крупный склад – распределительный центр розничной сети. Очередная партия парфюмерии оказалась без маркировки на русском языке, и владелец склада решил ее отмаркировать. Нанял гастарбайтеров. И очень удивился, когда недосчитался нескольких сотен упаковок духов. На вызов приехал Смирнов. Вместе со специалистом по безопасности склада – Александром Николаевичем – в помещении системных администраторов отсмотрел пару часов видеозаписи, и подивился ловкости рук рабочих: в их карманы ничего не опускалось. Не получив ответа, Даниил поехал на строительную площадку нового жилого комплекса. Стройка там уже год стояла, но поселок с гастарбайтерами продолжал существовать, снабжая всех желающих дешевой рабочей силой. Смирнов не стал заморачиваться поиском тех, кто клеил марки, а нашел главного. Это был вполне импозантного вида узбек по имени Ислам, хорошо говоривший по-русски. Даниил кратко обрисовал ему перспективы вызова ФМС, прокуратуры, МЧС и ОМОНа для переписи всех нелегалов, проверки пожаробезопасности бытовок и соблюдения санитарно-гигиенических норм. Ислам грустно вздохнул и попросил один день. На следующий приехал в отдел в сопровождении молодого узбека. Тот понуро тащил огромную коробку с упаковками духов. Часть была уже раскрыта или разорвана, часть оставалась нетронутой. «Как, не кладя ничего в карман, вы столько вынесли?» – это был единственный вопрос, который задал Даниил. Парень, ничего не говоря, расстегнул комбинезон на груди и показал огромный рукодельный внутренний карман. Смирнов поблагодарил Ислама за сотрудничество и отвез коробку на склад. Его начальник радостно переписал заявление на несущественный ущерб и спросил, чем может быть полезен Родине. Смирнов, вспомнив огромные стеллажи с пыльными корпусами компьютеров, увиденных давеча в помещении системных администраторов, попросил помочь с оргтехникой. В итоге кузов «Наварры» с трудом вместил «барахло», как называли складские айтишники. Для отдела полиции это была технологическая революция. У всех сотрудников появились свои ПК с ЭЛТ-мониторами, а у начальника отдела (субординацию надо было соблюдать) и Смирнова – даже ЖК-мониторы. Пусть хоть и четырнадцатидюймовые, но выглядели они, по сравнению с «Ятранью» и «Ивицей», космосом.

Расследования Даниилу удавались, но работа удовлетворения не приносила. По долгу службы он видел самое дно Подмосковья. Две трети преступлений – пьяная бытовуха. Мужья рубили жен топорами, те их резали ножами, собутыльники до смерти избивали друг друга... Раскрывать такие преступления не составляло труда, но погружение в этот мир угнетало молодого человека. Были и имущественные преступления, но тоже совершаемые недалекими опу-

стившимися людьми. Они светились на камеры, ходили на дело с зарегистрированными на самих себя телефонами, оставляли отпечатки пальцев. Наиболее одаренные отоваривались на украденные банковские карточки в магазинах у дома...

Большой подмогой Даниилу Смирнову стало знакомство с отставным полковником ФСБ. В новогодние праздники с его дачи угнали снегоход с квадроциклом. Тот прямо спросил Даниила, как они собираются искать преступников. Услышанное не очень удовлетворило полковника – он начал кому-то звонить. В конце концов дал Смирнову простенький телефон Nokia, в котором был забит единственный телефонный номер. Полковник попросил послать на него сообщение. Не до конца понимая, зачем, Даниил сделал, как было велено, и через два дня получил ответное сообщение с адресом и временем встречи. Там его ждал сильно нервничающий молодой человек, оказавшийся действующим сотрудником какой-то из технических служб ФСБ. Он забрал «нокию» и дал Смирнову распечатку номеров телефонов, находившихся в момент кражи в районе дачи полковника. Маркером были выделены два нетипичных для этой соты номера. Логично было предположить, что именно эти аппараты и принадлежали злоумышленникам. Остальное было делом техники. Номера были зарегистрированы на ранее судимых жителей соседнего района – повязали их прямо с похищенным. Счастливый полковник пытался что-то сунуть Даниилу за возврат имущества, но тот предпочел попросить о протекции в технической службе. Отставник немного поломался – и Даниил получил доступ к безграничным возможностям СОПМ-2. Так в России называется аналог американского Большого Брата, позволяющий государству отслеживать всю цифровую активность своих граждан. Дальше раскрытия пошли как по маслу, ибо девяносто девять процентов злоумышленников не только не выключали телефоны, идя на дело, но и умудрялись поговорить по ним друг с другом.

Но это не добавляло счастья Даниилу – круг общения был неинтересным, подозреваемые и потерпевшие тоже не впечатляли, так что потихоньку Смирнов начал задумываться о смене работы.

К этому моменту он был уже семейным человеком. Поженились они со своей одноклассницей Полиной в восемнадцать лет. Брак был вынужденный, что называется «по залету». Сама Полина и ее семья были людьми воцерковленными, и мысль об аборте приводила их в ужас. Данией маме девушка понравилась, друзья были не против погулять на свадьбе, родители Полины отдали им свою квартиру, так все и случилось. В положенное время у них родилась дочка Маша. Много времени уделить семье Даниил не мог из-за постоянных авралов, но в свободное время охотно гулял с дочкой, читал ей сказки и скачивал новые мультфильмы.

Но в тот самый момент, когда Даниил задумался о смене работы, тяжело заболела мать. Она до последнего не ходила к врачу, объясняя постоянный кашель недолеченной простудой, а когда пошла – выяснилось, что рак легких уже на четвертой стадии. Она никогда не курила, но врач пояснил Даниилу, что из трех наиболее распространенных форм рака легких только один достоверно вызывается курением. Следующие полгода стали самыми страшными в жизни Смирнова. Наркотических обезболивающих было не достать, как раз прокатилась волна громких арестов врачей за пару утраченных ампул морфия. Обычные обезболивающие не давали матери облегчения. Сиделку нанять было не на что, а Полина наотрез отказалась ухаживать за свекровью. Днем Даниил делал свою работу, вечером мчал к матери, чтобы отпустить соседку и дальше за ней ухаживать. Спать было невозможно, так как кашель матери перемежался стонами. Вопрос с морфием удалось решить, пощекотав местного наркоторговца Рому. Он, покатавшись по городу в качестве задержанного, немного напрягся и начал угрожать, намекая на какие-то высшие договоренности. Смирнов был совсем не в настроении чего-то пугаться и двинул ему раза два в печень. Это помогло. Рома понял, что опер отмороженный и что речь идет о небольшом количестве доз. Быстро перековался. Но морфий морфием, а состояние матери было крайне тяжелым, она не могла ни говорить, ни есть, при этом все время кашляла, порой кровью.

Болезнь близкого человека, да еще в такой форме, – всегда испытание. Так вышло, что родители Даниила были атеисты. Перед свадьбой родственники жены его насильно покрестили, чтобы обвенчать, но веры толком он так и не обрел. Религиозность Полины и ее родителей Дане казалась слегка искусственной. Они соблюдали пост и часто ходили в церковь, но охотно говорили гадости о других людях, не спеша им помогать. Да и пример с Даниной матерью, за которой Полина отказалась ухаживать, был показателен. Поэтому утешиться в церкви у Даниила не получилось. К психологу пойти он не додумался, хотя «Клан Сопрано» смотрел с удовольствием.

Выручали друзья-собутыльники. Их советы были по-своему мудрыми, но со своим подтекстом: «не переживай ты так, выпей»; «все мы смертны, давай лучше выпьем»; «а может, ей там лучше будет, наливай» и так далее. Ключевым было слово «выпить». Конечно, это были не друзья в полном смысле этого слова. Иногда Даниил не понимал, есть ли у него друзья вообще. Он был довольно общителен, но количество людей, с которыми он общался, не переходило в качество.

Между Даней и Полиной тогда пролегла первая трещина. Жена демонстративно сконцентрировалась на дочери, объясняя это ее частыми болячками. Но было очевидно, что это только повод. Полгода до смерти матери они практически не жили вместе, и любовь, казавшаяся нерушимой, вдруг перестала быть таковой.

После похорон он вернулся в семью, но что-то в нем надломилось. Привычка выпивать с приятелями сохранилась, работа способствовала желанию забыться. Полина его пилила, но этим все и ограничивалось.

Однажды в их отделе произошло ЧП. «Старшие братья», как в полиции именовали ФСБ, взяли начальника отдела с поличным на взятке. Деталей Даниил не знал, так как не был допущен к секретам, но свою порцию «охоты на ведьм» получил. За неделю до задержания начальник по телефону попросил его разобраться с каким-то возвратом вещественных доказательств. Там не было ничего криминального, но телефон начальника уже стоял на прослушке, и к Дане пришли с обыском. Он воспринял это с юмором, но жену накрыло. Все трудности небогатой семейной жизни с сотрудником МВД она терпела, исходя из постулата о некоей защищенности. Им и вправду помогал статус Даниила. Их дочь приняли вне очереди в детский сад. Буянющие соседи по подъезду быстро успокаивались после легкого внушения от Смирнова. Хозяин соседнего с тестем дачного участка передумал строить сарай, залезающий на их территорию, – один раз увидел зятя в форме, подумал немного и, вы не поверите, передумал. Еще и общий забор подновил за свой счет. Обыск разрушил все иллюзии Полины о своем особом статусе. Хотя эфэсбэшники зашли вполне культурно, но сделали это в шесть утра. Это был шок. Оперативники службы «М» (подразделение, контролирующее силовиков) сразу поняли, что оборотни в погонах в хрущевках не живут, но, служба есть служба, битый час ворошили детские игрушки и белье.

Неприятности Даниила на этом закончились, но отношения с женой разладились совсем. Любая задержка на работе приводила к поджатым губам, а запах алкоголя – к скандалу. Тут грянул Крым с последствиями, неофициальный запрет на выезд сотрудников МВД за границу, и очередная поездка Полины в Турцию закончилась длинным сообщением. Букв в нем было много, а смысла мало, но стало понятно, что вместе им не жить. Даня смирился. Вскоре они развелись, договорились о воскресных посещениях дочери и на этом прекратили общаться. Оперская сущность Даниила все-таки заставила его выяснить все обстоятельства. Все было банально. Успешный молодой бизнесмен начал задумываться о семье, поехал со своей мамой (тут Смирнов немного позубоскалил) в Турцию, там встретил красивую барышню с уже с беспроблемным ребенком. Курортный роман перерос в серьезные отношения.

Ревности особой Даниил не испытывал, переживал за дочь, но внешне все было пристойно, так что он отпустил ситуацию. Маша вела себя не по годам мудро, не акцентировала свои отношения с отчимом, и воскресенья они проводили весело, безо всякого напряжения.

Еще пару лет Смирнов проработал в полиции, но юношеские идеалы уходили все дальше, а новых стимулов не появлялось. Опыт с приходом ФСБ не надломил Даниила, но напоминал о том, что любое его действие может быть истолковано против него. Так что, когда бывший сокурсник по фамилии Петров позвал его бороться с коррупцией в таможне, он немедленно согласился.

Глава 2

Добравшись до работы и вбежав в здание таможни, Даниил сразу пошел в кабинет к начальнику. Тот, не прекращая телефонного разговора, шепотом сообщил Даниилу, что он поедет проверять подмосковный склад. Смирнов не очень любил выезды за санкционкой, так как сама идея изъятия и уничтожения хороших продуктов казалась ему бессмысленной. Но работа есть работа, и он пошел в отдел таможенного контроля после выпуска товаров. Так длинно именовалось подразделение, занимающееся выездными проверками. Контролеры ездили по рынкам и бутикам – искали контрабандно ввезенные товары, еще по магазинам и торговым центрам – вынюхивали «санкционку» (пищевые продукты из Европы и Америки, запрещенные к ввозу, как российский ответ на санкции за присоединение Крыма), а также приходили к импортерам проверить соответствие реально ввезенных товаров тому, что указано в таможенной декларации.

Поскольку выезды предусматривали непосредственный контакт проверяющих с проверяемыми, к ним для порядка с недавнего времени приставляли сотрудника службы по борьбе с коррупцией. Даниил не мог назвать это занятие интеллектуальным: ходить целый день между коллегами и посматривать, как бы не случилось коррупционных проявлений, было скучно. Но картинка каждый день была новой, так что ездить было всяко интереснее, чем сидеть в кабинете и заниматься унылой работой. А работа действительно была унылой. Поначалу Даниилу казалось, что он нашел дело своей жизни. Бывший однокурсник Петров, пригласивший Даниила в таможню, дослужился до заместителя начальника отдела и сразу взял его под опеку. Несколько месяцев ушли на осознание новых реалий. Первой приятной неожиданностью стал контингент. По закону о госслужбе все таможенники были с высшим образованием – после спившихся люмпенов в полиции Смирнову было непривычно взаимодействовать с нормальными людьми. Второй приятной неожиданностью оказались условия службы. После полуразрушенного здания ОВД – нормальный кабинет с хорошим ремонтом и удобной мебелью. Зарплата «погонного» сотрудника ФТС вполне достойная, переработок особых нет, при этом есть возможность заниматься спортом, который Даниил за время службы в МВД почти забросил.

Еще одной приятной неожиданностью оказалась полная непуганность таможенников. Первый выезд Смирнова на таможенный пост, который ему поручили курировать, привел его в оторопь. Ни одной отечественной машины или иномарки старше пяти лет на служебной парковке он не увидел. Инспектора с зарплатой в двадцать-двадцать пять тысяч приезжали на новехоньких немецких и японских иномарках. У них хватало ума не покупать их на свое имя (каждый год им надо было сдавать декларации о доходах и объяснять происхождение машин), но, оформив их на соседей и друзей, они становились прозрачны. Часы, айфоны и шубы барышень-таможенниц тоже не оставляли пространства для сомнений, на какие доходы они живут.

С доказательной базой было чуть сложнее. Как правило, денег таможенники не вымогали, взятки им коммерсанты давали добровольно, так что желающих обратиться с заявлением на взяточничество не было. Документировать передачу тоже было сложно. Декларации давно были электронные, никто в папки с документацией купюр не вкладывал, и внезапно врываться и шерстить комплекты документов было бесперспективно.

Иногда водители, не привыкшие к политесам, совали пятьсот рублей в свои бумаги, скрытые камеры наблюдения документировали, как инспектора их ловко перекидывали в свои карманы. Но пятьсот рублей было совсем мелко для уголовного дела. Просмотр переписки на смартфонах тоже был не особо перспективен. Те, кто поумнее, настраивали свои мессенджеры на удаление чатов, у остальных в переписке с коммерсантами все было довольно невинно. Номера деклараций, технические вопросы – с этим в суд не пойдешь.

Неприятным сюрпризом оказалась политика службы. Когда Даниил после месяца агентурной работы пришел к Петрову с предложением, тот несколько удивился. Пролистав записи и схемы Даниила, где было расписано, кто и сколько на таможенном посту берет за ту или иную операцию, он спросил:

– А за что их привлекать-то? Вроде по чину берут.

– Так ведь берут! – не понял вопроса Смирнов.

– Ну закроешь ты их, а кто работать будет? Ты сядешь декларации выпускать или машины пойдешь досматривать? Кто на зарплату госслужащего в двадцать тысяч пойдет работать? Погоны ведь им так и не дали, – продолжал задавать вопросы товарищ.

– А зачем мы тогда нужны, если их за взятки не сажать? – изумился Даниил.

– Мы нужны для профилактики коррупционных проявлений. Обескровить таможню нам никто не даст. Если кто зарвется, того примем – не беспокойся. А так посадим этих, придут новые. Или тупые окажутся – кто еще на такую зарплату в Москве пойдет? Или жадные – опять сажать придется: из-за неумения дров наломают.

– Ну так что, нам просто сидеть и смотреть, как они бабки рубят? – возмутился Даниил.

– Не все так однозначно, – начал Петров, – потом поясню тебе, сейчас некогда, на совещание убегаю.

Даниил решил, что практика полицейского УСБ по обложению сотрудников на доходных должностях данью, похоже, прижилась и в СПК. Чтобы не влезать в эту грязь, он попросился заняться чем-то другим.

Вообще-то в СПК народу было немного. Но совсем недавно ОБЭП поймал инспектора, проверявшего мебельный магазин, на выносе стула. Найдя контрабандно ввезенную итальянскую мебель под видом дешевой китайской, он развел директора магазина на гарнитур. Тот сначала согласился, потом позвонил в полицию. Тем даже не пришлось деньги метить, приняв инспектора со стулом в руках. После скандала начальство приказало все выездные проверки проводить под присмотром СПК. Даниил тут же вызвался на эту непрестижную работу. Там тоже можно было чем-то поживиться, но он с порога объявил о своих правилах, и никто из коллег к нему не обращался с непристойными предложениями.

На первой же проверке он не поленился пересчитать количество контрабандных шуб в проверяемом магазине и поймал инспектора на занижении количества в акте. Тот, конечно, свалил все на плохое знание арифметики, но сигнал был услышан. До идиотизма Даниил не доходил, и, если, к примеру, продавец на ясном глазу божился, что яблоки не польские, а азербайджанские, заодно предлагая их попробовать, не отказывался. При условии, конечно, что испанские мандарины были уже описаны и изъяты.

Параллельно службе в СПК Даниил закидывал удочки насчет перехода в Оперативную таможню, чтобы ловить настоящих контрабандистов. Там, в принципе, были не против, но предложили ему доказать свою профпригодность, притащив какое-нибудь громкое дело.

Начальника отдела по контролю после выпуска товаров не было, но в коридоре он встретил коллег, уже поджидавших его. Они погрузились в микроавтобус с СОБРОм и тронулись в сторону Калуги. Спустя час свернули с шоссе и, немного поплутав по промзоне, подъехали к неприметному складу, спрятанному среди заводских зданий. Охранник на шлагбауме, увидев машину СОБРа, быстро сориентировался: открыл шлагбаум и вышел из будки с поднятыми руками. Один из собровцев остался с ним присмотреть за тем, чтобы тот не стал никому звонить. Оставшиеся рванули в сторону склада. Через пятнадцать минут активная часть операции была закончена. Инспекторы считали головки сыра и палки колбас, Даниил скусающе смотрел на это все, так как никто никого не пытался коррумтировать. На складе были только несколько грузчиков.

Рядом с Даниилом стоял Сергей Коровин, начальник отделения собровцев. Он был совсем не прост, несмотря на силовую функцию своего подразделения. В его личном деле было

написано, что до СОБРа он служил главным инспектором в аналитическом отделе, а в СОБР пошел, чтобы остаться на «погонной» должности. Дело в том, что в таможенной службе было две касты – сотрудники таможенных органов (так называемые «погонные» должности с кучей льгот и ранней пенсией) и федеральные гражданские служащие – по сути обычные бюджетники. «Погонными» должностями считались все начальнические и правоохранительные. Все остальные служащие и работники таможни люто им завидовали и мечтали хоть чуелом, хоть тушкой попасть в ряды сотрудников. Ну или молотили на должности служащих так, чтобы насобирать на пенсию.

Внешность Сергея Коровина не очень соответствовала занимаемой должности. Был он сухощав, невысок, со смешным ежиком то ли седых, то ли рыжих волос. Однако волевой подбородок и пристальный немигающий взгляд объясняли, почему двухметровые бойцы СОБРа слушались его беспрекословно.

Сергей шумно вздохнул, глядя на очередную коробку с сыром, сосчитанную и отброшенную инспектором в сторону:

– Сука, столько продуктов пропадет! Могли бы бедным раздать...

– Ну они же без документов. Отравится человек, с кого потом спрашивать? – меланхолично отозвался Даниил.

– Мы же с тобой понимаем, что продукты нормальные. Коммерсанты себе не враги говном торговать.

– Я понял намек. Через полчаса отойду покурить, можете отовариться, – Даниила и самого коробило, что столько хороших продуктов уйдет в печку.

– Да не в этом дело, – жарко воскликнул Сергей (хотя очевидно, что и в этом тоже). – Ну хочешь ты наказать Европу – введи запретительные пошлины на эти товары. Хоть в сто, хоть в двести процентов от стоимости.

– Это правда. Тем, кто пармезан с хамоном ест на завтрак, не важно, сколько они стоят, заплатят и тройную цену.

– Вот и я про это. Средний класс все равно это по таким ценам покупать не будет, и задача решена – резко снизим импорт из Европы. Но целая отрасль рынка декриминализуется, – Сергей проявлял стратегическое мышление.

– Так еще бы импортозамещение работало! Помнишь, месяц назад на мясокомбинате шпик немецкий изымали?

– Ну да. Три морских контейнера из Гамбурга. Снаружи как обычные выглядят, а внутри – в термосы переделанные, – Коровин запустил пятерню в ершик волос, словно забыл, что давно состриг длинную челку.

– Да, эти. Я с директором комбината тогда пообщался. Говорит, в России не умеют такой шпик делать. И ему колбасную линию то ли продавать надо, то ли переделывать под наше сало.

– Надо эти санкции заканчивать, – решительно объявил Сергей.

– Ну да. И Батьку лишим доходов. А то у нас Беларусь – родина креветок и авокадо, – поддакнул Даниил.

– Да... Дня не проходит, чтобы на белорусском направлении не хлопнули чего-то. Одни ловят, другие убегают. Тусовка, мать его! – взгляд Коровина стал свинцовым.

– Ну так иди в Госдуму, наладь там все! Все, я – курить, – Смирнов вышел на улицу размять конечности.

Смотреть там было не на что. Очевидно, при советской власти в промзоне было какое-то производство, судя по количеству труб и емкостей, – связанное с химией. Царила обстановка абсолютного запустения, хотя кое-где были припаркованы приличные машины. Даниил дошел до проходной, где собровец как раз тормознул «газель» на выезде.

– Чего тут у вас?

– Да вот, выезжать собрался – документов нет. Говорит, пустой. Думаю, вдруг от вас убегает, – отозвался боец.

– Ну давай посмотрим в кузов, – Смирнов прошел к фургону.

Водитель помялся и нехотя начал открывать дверь. Внезапно он повернулся и спросил:

– Мужики, может договоримся?

– Оп-па, ну теперь точно открываем, – скомандовал Даниил.

Как говорится, бывших полицейских не бывает. Смирнов вспомнил байку про бывшего мента, который догнал и задержал опаздывавшего на автобус пассажира. «Вижу – бежит. Я за ним. Раз бежит, надо догнать».

Водитель со вздохом открыл дверь фургона – их взгляду предстало несколько десятков картонных коробок. В половине были бутылки виски «Jack Daniels», в других – коньяк «Hennessy». Выглядели они абсолютно идеально, так что неопытным глазом не определить подделку. Но контекст говорил об обратном.

– Так, дружище, рассказывай, с какого склада едешь? Не бойся, тебя отпустим сразу. Ну только выгрузим алкашку, – Даниил взял быка за рога. Потом перевел взгляд на собровца: – Сережу вызови по рации, пусть с бойцами сюда выдвигается.

Через десять минут все они были у ворот неприметного склада. Рядом стояли два недорогих джипа. Водитель постучал условным стуком, и дверь склада распахнулась. Дальше немного порезвились собровцы, заскочив в помещение и уложив бутлегеров лицами в землю. Там были гастарбайтеры и пара мужчин, одетых попримечнее. Производство было не из мелких. Сотни бочек со спиртом, канистры с ароматизаторами и красителями, ящик с поддельными акцизными марками, коробки с пустыми бутылками. Осматривая разнообразные емкости, Даниил с ужасом думал, как много паленого алкоголя попадает в розницу. Там были бутылки для ликера, рома и текилы, а также пафосной водки.

Подошел Серега Коровин.

– Круто тут у них. Что делать будем? – почесывая ершик, спросил он Смирнова.

– Таможне в показатель паленый алкоголь не идет. Это незаконная предпринимательская деятельность – полицейская статья УК.

– Ну не оставлять же их просто так? Травят же народ.

– Не оставим. Сейчас позовем полицию.

Даниил набрал своего давнего товарища Славика Дьяченко, чуть не единственного друга, оставшегося с прошлой работы.

– Слушаю, – прозвучал бодрый голос в телефоне.

– Славик, здорово. Как сам?

– Данька, привет, тыщу лет не слышал, – обрадовался Славик. – Я в порядке, как ты?

– Нормально. Как у тебя с раскрытиями? – перешел Даниил к делу.

– Как обычно. Херово. А почему ты спрашиваешь?

– Мы тут случайно базу бутлегеров хлопнули. Район не твой, но ты же придумаешь, как себе палку нарисовать.

– Итить твою, профессор. Сейчас подыму какое-нибудь изъятие паленки из палатки и рапорт на обыск напишу. Адрес диктуй.

– Точного не знаю. Сейчас я тебе фотку нашего постановления на осмотр территории и помещения скину. Тут вся промзона указана, так что можешь также сделать.

– Фотку давай. Решу со следком, даст поручение на обыск – и к вам. С меня причитается!

– Раз причитается, привези ребятам пиццы. На десять человек. А то тебя дождаться – без обеда останемся.

– Заметано!

Даниил повесил трубку. К нему подошел Коровин.

– Там какие-то черти подъехали. Прсят поговорить.

Смирнов вышел на улицу. Там стояла группка из двух коммерсантов и полицейского в форме. Все трое были очевидно из южных республик Российской Федерации. Полицейский двинулся к Даниилу.

– Вы тут главный? Можно ваши документы? Что за мероприятие? – закидал его вопросами, говоря с небольшим, но заметным акцентом.

– Свои предъявите, лейтенант, – холодно ответил Смирнов.

– Пожалуйста, – чуть осадив коней, лейтенант предъявил удостоверение участкового.

Фамилию и имя Даниил даже запоминать не пытался, слишком из многих букв они состояли. Он предъявил свое удостоверение, предписание на осмотр помещений и территории, после чего сухо сообщил:

– Лейтенант, есть вопросы?

– Конечно, есть. Люди уважаемые тут работают, зачем им мешать? Вы – таможня, ищите контрабанду. Незаконный обыск проводите.

– Вот мы и нашли контрабанду. «Джек Дэниелс», на минуточку, в России не производится. А если мы сейчас про законность говорим, я могу Сивцову в ОСБ по Московской области звякнуть. Да и в службе «М» сигналу рады будут. Кто, кстати, вас там курирует сейчас? Яковлев? – импровизировал Смирнов.

Сивцов – злой гений всех областных полицейских, самолично несколько лет назад допрашивавший Даниила при задержании его начальника. Служба «М» в ФСБ занималась коррупцией в органах власти и продажного участкового схарчила бы еще с большим удовольствием, чем ОСБ (отдел собственной безопасности) ГУВД.

– Э, брат... Я же по-нормальному хочу, – резко изменил тон участковый, поняв, что таможенник не лыком шит.

– Не брат я тебе, – Даниил не стал заканчивать цитату своего тезки из известного фильма. – Бери своих друзей и проваливай отсюда. Иначе я Сивцову звоню.

Лейтенант развернулся и, прихватив коммерсантов, удалился. Коровин с уважением посмотрел на Смирнова.

– Красава! Решаешь вопросы! А то понаехали тут...

Оценка Коровина была приятна Даниилу.

– Тоже мне крышеватель нашелся.

Они вернулись в помещение. Один из задержанных, по виду приличнее других, вопросительно посмотрел на них.

– Что-то спросить хочешь? – повернулся к нему Даниил.

– Не договорились? – прямо спросил тот.

– Нет. Будете по всей строгости закона отвечать. Незаконное предпринимательство. А если выяснится, что людей травите – еще букет статей получите.

– Не получим. Точняк. Нормальный у нас спирт. Ароматизаторы – один в один как заводские. Ни одна лаборатория не отличит. Я за качество отвечаю, – с некоторой долей гордости произнес бутлегер.

– Разберутся в лаборатории. Ты мне лучше вот что скажи. Что покупать, чтобы на поддельный алкоголь не нарваться? Я вот в жизни бы не догадался что это паленый виски.

– Ну смотри, – воодушевился бутлегер. – Во-первых, никто не будет подделывать алкашку до пятисот рублей. То есть любую водку дешевле бери спокойно.

– Так она же дерьмовая может оказаться, – удивился Даниил.

– Дерьмовая, это да. Скорее всего, фильтры непромытые, вода неподготовленная, бутылка с щелочным привкусом. Но не поддельная.

– Почему именно пятисот?

– Да потому, мил человек, что у нас себестоимость триста рублей. Спирт нелегально купи, бутылку, этикетку, марку... Рабочим двойные деньги платить надо за молчание. Сбыт. Крыша. Аренда. Надо заработать что-то. И розница тоже свое не забудет.

– Понятно. Ну а если все-таки дорогой алкоголь покупать, то как разобраться? Виски там, коньяк или текила, скажем?

– Брать надо редкие сорта. Виски – односолодовый, коньяк – в бутылках необычных, текилу – тоже затейливую.

– Все?

– Ну если выбирать тару, лучше 0,7 брать. Оборудование разливное в основном на пол-литра рассчитано. С советских времен осталось. Хотя линии есть и на 0.7, и на литр уже. Ну и меньше в барах бухать или в мелких магазинах покупать, туда основной сбыт идет. В хороший сетевой магазин идешь и там покупаешь. Там ЕГАИС худо-бедно работает.

– Спасибо. Просветил.

– Покурить можно сходить?

– Можно. По одному выпускайте их, – попросил он собровца. Тот кивнул головой и бутлегеров один за другим начали выпускать.

Через два часа инспекторы закончили с санкционкой, погрузили изъятое в приехавшую машину Роспотребнадзора и сели дожидаться полицию. Через час приехал Славик Дьяченко со своей гвардией, раздал таможенникам пиццу и обнялся с Даниилом. Невысокий крепыш со стриженным бобриком русых волос и россыпью веснушек на лице, он был толковым полицейским, но с настолько милой внешностью, что все, кто его знал, иначе как Славиком его не называли. Не то что Вячеслав – даже Слава было для него слишком пафосное имя.

Дьяченко негромко произнес, чтобы не услышали окружающие:

– Спасибо, бро. Такое раскрытие мне в зачет.

– Давай. Сочтемся. Тут местный участковый, нерусский какой-то, нарисовался, хотел отмазать их, я послал на хер.

– Понятно, – улыбнулся Славик, и ямочки засияли на его лице.

Доев пиццу, таможенники и собровцы разъехались, Даниил же договорился с Дьяченко, что тот его подбросит до дома. Виделись они редко, но друзьями были закадычными, так что возможность побыть вместе упускать не хотелось. По дороге бывшие коллеги перемыли кости общим знакомым, грустно посмеялись над очередными инициативами властей и тепло попрощались, договорившись зарубиться в «Fortnite».

Глава 3

На следующий день Даниил выехал заранее и спокойно добрался до начала рабочего дня в таможеню. Как только он вошел в кабинет, пикинул смартфон, и экран высветил сообщение от начальника: «Сегодня выезд без «тяжелых», в офис какой-то поедете». Это означало, что можно спокойно почитать новости, а потом не спеша идти в отдел контроля после выпуска товаров. В этот раз начальник оказался на месте.

– Доброе утро, Андрей Иванович, – заглянул Даниил к начальнику отдела, – кто едет?

– Доброе, доброе, – расплылся в добродушной улыбке Седов – крупный мужчина с окладистой бородой, – Наталья Петровна поедет.

– Как? Она же у вас не ездит обычно.

– Видишь ли, у нас показатели по нетарифке горят. Санкционка нормально, вчера хорошо отработали, контрафакта даже лишнего наловили, а вот двойное применение проваливаем. Минус двадцать процентов от прошлого года.

– Понятно, пойду к ней, – прикрыл дверь Смирнов.

За то время, которое провел в таможене, он понял, что палочная система в полиции в подметки не годилась системе контрольных и аналитических показателей в ФТС. Большинство приписывало авторство этих показателей Герману Грефу, в середине двухтысячных курировавшему таможеню. Как бы то ни было, любой начальник в таможене больше всего боялся провалить контрольные показатели. Они должны были расти вне зависимости от законопослушности коммерсантов или экономической ситуации в стране. Так что горящий показатель – это серьезная проблема для любого подразделения таможеню. Что такое «нетарифка» Даниил знал примерно. Тарифное регулирование – это пошлина. Все остальное – нетарифное.

– Наталья Петровна, доброе утро. Говорят, с вами поедем, – он заглянул в соседний кабинет.

– Привет. Заходи, кофе пить будем. Нам еще приказ на проверку перепечатать надо. Делопроизводители завернули, – улыбаясь пригласила его в свой кабинет миниатюрная дама в возрасте.

– С удовольствием, – с этими словами Даниил прошел в кабинет и присел на свободный стул.

Он догадывался о своем успехе у женщин, особенно среднего возраста. Молодой, физически привлекательный и, главное, холостой... Интрижек в таможене он не заводил, но знаки внимания охотно принимал, равно как и раздавал.

– Тебе черный или с молоком? – спросила Наталья Петровна, явно пытаясь сократить дистанцию.

– Давайте черный без всего, – сделал попытку сохранить официоз Даниил. – Расскажите про двойное применение, пожалуйста. Это повторное использование товара, что ли?

– Нет, – хихикнула Наталья Петровна, польщенная возможностью поумничать перед молодым человеком. – Двойное применение товара – это когда товар можно как в гражданских целях использовать, так и в военных. Вот мы сейчас в контору поедем. Они двигатели и прочую ерунду из Европы для катеров возят. Пишут, что для рыбацких нужд, но двигатели с такими характеристиками, как мои аналитики говорят, однозначно военные.

– А такое нельзя вывозить или ввозить тоже? Ведь если ввозят, значит, для армии, государству-то здесь что?

– Ну а вдруг для террористов везут? Порядок такой, надо на подобные товары отдельное разрешение получить. Указ президента есть об экспортном контроле.

Тут Даниил окончательно потерялся. Если Указ об экспортном контроле, то почему под контролем импортные поставки? Но, чтобы не показаться занудным, он кивнул и принялся за кофе. Через пятнадцать минут приказ перепечатали, и они тронулись.

Офис компании «Центр Ресурсной Комплектации» находился в бизнес-центре на территории бывшего автозавода. Проблем на входе не возникло, их провели в большую переговорную, куда уже заранее клерки принесли огромное количество папок с документами. Компания достаточно много закупала на внешних рынках, но все это не очень интересовало Наталью Петровну. Ей надо было найти, куда ушли двигатели для «рыбацких» катеров. После долгих выяснений в переговорную пришел молоденький менеджер по имени Родион. Он понял суть вопроса и принес еще несколько папок с договорами. Заметно нервничая, спросил, может ли идти. «Идите», – машинально ответила Наталья Петровна. Даниилу показалось странным поведение юноши, и он вышел за ним.

– Молодой человек, – окликнул он Родиона.

– Да, – резко повернувшись, ответил тот.

– Можем мы поговорить?

– О чем? Я же все принес.

– Замечательно, – почти ласково произнес Даниил. – А теперь надо кое-что пояснить.

Он указал на переговорную поменьше и пригласил туда юношу.

– Проходите сюда. Много времени это не займет.

Парень зашел в переговорную и напряженно присел на край стула. Весь опыт Смирнова говорил о том, что парень очень сильно нервничает.

– Вас ведь Родион зовут?

– Да.

– А фамилия? – в душе Даниил понадеялся на ответ «Раскольников», достал блокнот и приготовился записывать.

– Иванов.

– Замечательно. Чем вы в этой компании занимаетесь?

– Менеджер по логистике. Веду импортные контракты.

Даниил вздохнул. Хорошо зная английский язык, он понимал, что менеджер происходит от английского глагола to manage – управлять, руководить. Как можно руководить неодушевленным предметом – логистикой, а не людьми, он не понимал.

– То есть двигатели эти вы закупаете?

– Да.

– И декларации в таможеню тоже вы подаете?

– Да. Моя электронная подпись.

– А на внутреннем рынке кто их продает?

– Саша Михайлова. Она внутренним рынком заведует.

– Хорошо. А, кстати, почему не она документы принесла?

– Заболела она. А я в курсе, где документы лежат.

– С этим понятно. А знаете ли вы, что эти двигатели военного назначения? – резко поднял градус разговора Даниил.

– Н-нет, не знаю, – очевидно поплыл парень. – Они для рыболовецких катеров модели «Альбатрос», – заученно сообщил он формулировку из декларации на товары.

– Ну, положим, таких катеров в природе не существует, – блефовал Смирнов, – так что лучше расскажи все, как есть, – Смирнов сознательно перешел с «вы» на «ты», – ты же нормальный парень, чего тебе начальство покрывать? Военные же двигатели! А ввоз товаров военного назначения – это, дружок, контрабанда. Реальный срок можно получить. Ты же декларацию подписал, что они не военные.

– Никого я не покрываю, – неуверенно произнес Родион, проглотив смену обращения. – По нашей информации, они на катера рыболовные ставятся. А если их кто-то потом на военные переставляет, так мы тут ни причем!

– Вот, уже интереснее. То есть все-таки потом на военные катера ставятся?

– Я этого не знаю. Мне сказали – рыболовные, откуда я знаю, куда они идут, – в предыдущем состоянии зашелся Родион.

– Да я-то тебе верю! – продолжал игру Даниил, – но тут ты крайним получаешься. Директор твой соскочит, а тебе обвинение предъявят. Тебе ведь директор сказал, что надо в декларации слово «рыболовные» писать? – Смирнов начал плавно подводить парня к показаниям.

– Да! Но он сказал, что все законно. Мы это делаем, чтобы санкции европейские обойти. Они ведь никогда в Россию военную технику не смогут официально продать! Вот мы и пишем, что рыболовная. Все знают, что для Крыма! – чуть не плача, выпалил Родион.

– Вот оно как? То есть вам еще медаль надо дать? «За спасение Черноморского флота от санкций Евросоюза»?

– Ну уж точно не сажать, – чуть более уверенно произнес юноша.

Смирнов немного засомневался в перспективах дела. Если парень был прав и двигателя действительно шли на Черноморский флот, то уже завтра в кабинете Седова наверняка появится помощник начальника таможни, а в реальности – офицер из АПС (аппарата прикомандированных сотрудников) ФСБ. Объяснит Андрею Ивановичу об интересах Родины, и дело само собой умрет, даже не начавшись. Но инстинкт легавого (а именно значки с изображением этой собаки носили милиционеры после Гражданской войны) не дал ему успокоиться.

– Согласен. Сажать, может, и не будут. Директора твоего отмажут. А тебе на допросы ходить. Подписку о невыезде точно получишь. Поди, в отпуск собирался куда-то?

– Ну да. В Грецию на две недели. Через месяц.

– Н-да... Ареста, конечно, не будет, но подписка точно светит. Это же ФСБ расследует, они такие сложные. Загранпаспорт точно отберут. Не повезло тебе с отпуском, – с притворным сочувствием вздохнул Даниил.

– Так что же мне делать то? – чуть не взвизгнул Родион.

– Ну ты для начала расскажи мне, как дело обстоит. А там мы подумаем, как тебе помочь. Тут же порядок такой: как мы рапорт напишем, так следователь ФСБ и дело вести будет. Если будет доказано, что директор тебя в заблуждение вводил, то и подписки у тебя никакой не будет, его будут допрашивать, – откровенно начал врать Даниил.

– Хорошо, – вздохнул Родион и начал рассказывать.

Самым любопытным в его рассказе оказалось не то, что компания продавала части катеров через цепочку посредников на судоремонтный завод, который собирал из них военные катера. Везде добавлялась минимальная наценка и все. Здесь все было понятно и по-хорошему не тянуло на серьезное дело. Интересным оказалось другое. У европейских производителей части катеров закупались не напрямую. А через люксембургскую фирму-посредника, которая, на самом деле, принадлежала директору компании по фамилии Горбунов. Ему было лень заниматься самому документацией, поэтому Родион был в курсе всех транзакций. Он принимал инвойсы (счета на оплату товара) от реальных производителей. Дальше умножал цену в два раза и печатал инвойсы от Люксембургской фирмы на российского импортера – того самого «Центра Ресурсной Комплектации» или «ЦРК». То есть директор на своем офшоре оставлял сто процентов стоимости товара. А оборот исчислялся десятками миллионов долларов.

Даниил понял, что тут у, и небрежно попросил Родиона принести папочки, обнадежив его тем, что бояться нечего. Тот, заметно повеселев, принес Смирнову две толстых папки. В одной были контракты люксембургской фирмы с европейскими поставщиками, в другой – подборка документов по каждой транзакции. Инвойс от европейцев, зеркальный инвойс с

удвоенной ценой от Люксембурга на «ЦРК», платежное поручение банку на валютный перевод и таможенная декларация на эту поставку. В общем, хоть сейчас иди с этим к прокурору.

Даниил решил ничего не закреплять ни протоколом допроса, ни актом изъятия, а сначала посоветоваться с кем-нибудь толковым. Наталья Петровна была хоть и грамотной в таможенных вопросах дамой, но не очень сведущей в уголовном производстве. Дело явно тянуло на крайне серьезное, а напутать что-то в процессуальном плане было бы опасно для последующего использования доказательств в суде. Да и лавры Даниил не хотел ни с кем делить – появился шанс на карьерный скачок.

Он отправил Родиона обедать, а сам принялся фотографировать все документы. Делать бумажные копии он не захотел. Незаметно вынести такую кучу бумаг он бы не смог, а объясняться с Натальей Петровной не хотелось. К моменту возвращения Родиона он уже закончил снимать и спокойно вернул ему папки, строго настрого приказав никому об их разговоре не рассказывать. Ему было не совсем комфортно от того, как он развел юношу, но цинизм, приобретенный в МВД, сгладил неловкость. «В конце концов, закон не надо нарушать», – успокоил он сам себя.

В этот момент в офисе «ЦРК» поднялся шум и гам. Понимая свою обязанность разруливать подобные ситуации, Смирнов вышел в коридор и увидел троих мужчин среднего возраста. Все они были одеты в дорогие костюмы, но только один выглядел как адвокат, двое других явно были из бывших силовиков. Они пытались дорваться до Натальи Петровны, размахивая визитками и адвокатским ордером. Ее молоденькая помощница беспомощно взглянула на Даниила.

– Оперуполномоченный по особо важным делам Смирнов, – чуть более громко, чем надо, произнес он, махнув удостоверением перед лицами мужчин. – Представьтесь пожалуйста, – чуть тише продолжил он.

Следующие полчаса были бенефисом всех троих. Силовики по очереди бравировали знакомствами в правоохранительной системе и Администрации Президента, адвокат рассказывал об уголовном преследовании за препятствия в предпринимательской деятельности. Смирнов знал правила игры и понимал, что эти господа, по сути, играют роль заступников перед персоналом фирмы. Они всерьез не рассчитывали на то, что таможенники испугаются и уйдут, но отработать свои гонорары и оклады должны были. На визитках бывших силовиков значилось название крупного российского холдинга с латинским названием. Про первого – заместителя генерального директора по безопасности – Даниил решил, что он из бывших прокурорских, потому как говорил много, важно и без особого смысла. Второй, с запоминающимся именем Савелий и с простой фамилией Бычков, говорил потише и поменьше, поэтому его Смирнов определил к чекистам или гэрэушникам. На его визитке значилось «руководитель службы безопасности». Взгляд у него был холодным, немигающим, направленным четко в переносицу визави, а его манера тихо говорить окончательно сбивала с толку собеседника. Но Даниил был искушен в таких вещах, так что сильно эта публика смутить его не могла.

Вскоре Наталья Петровна сообщила, что ее работа закончена, и они отправились назад в таможеню. По дороге он аккуратно поделился своими сомнениями в перспективности дела.

– Так нам еще и лучше, если ФСБ попросит дело не возбуждать. Под эту отмазку можно вообще все показатели провалить, – хохотнула она.

К моменту приезда в таможеню Смирнов перебрал все варианты использования полученного компромата. Старым коллегам отдавать смешно – это дело явно было выше уровня подмосковного ОМВД. В правоохранительном блоке таможни он еще не обзавелся знакомствами. Тот самый эфэсбэшник, с которым его свел пострадавший полковник, был технарем. Остальным знакомым Даниил не особо доверял. Получалось, что самым логичным было пойти советовать к Седову. Он вызывал доверие как человек, да и в профессиональном плане был матерым таможенником, прослужившим более двадцати пяти лет в системе.

Дойдя до его кабинета, Даниил постучал:

– Можно, Андрей Иванович?

– Конечно, дружище, заходи. Как съездили? – Андрей Иванович тяжело приподнялся из кресла и пододвинул стул Смирнову.

– Тут такое дело... Мне кажется, там не только товары военного назначения, но и хищение средств бюджета в особо крупном размере наклеивается. Только я бы хотел на этом тоже галочку срубить, хоть формально и не моя тема, – честно признался Даниил.

– Галочки получим. Да и дырочки провертим. Главное, чтобы старые негодились, – хохотнул он над избитой шуткой. – Расскажи, где ты там хищение нашел.

Даниил в деталях рассказал всю схему ухода от европейских санкций и завышения цен на части катеров.

– Вот у меня и все документы имеются, – он показал свой смартфон.

Андрей Иванович дальнозорко прищурился и попросил переслать документы ему на планшет, так как со смартфона он ничего не мог прочитать. Даниил переслал, и Седов, нацепив бифокальные очки на кончик носа, изучил несколько комплектов и удовлетворенно хмыкнул.

– Молодцы ребята, нечего сказать. Ни стыда, ни совести! Грамотно деньги в офшоре спрятали. Любая Счетная палата будет закупки изучать – слова не скажет. В России все по-честному. А Люксембург им ничего просто так не выдаст, он конвенцию ФАТФ не подписал.

Увидев вздернувшиеся брови Даниила, Седов пояснил:

– Это та конвенция, что против отмывания денег. Да и на запрос от наших производители отвечать не будут, вообще откредятся от поставок в Россию. Наверняка с этих денег еще и откат куда надо занесли.

Смирнов кивнул и спросил:

– Как реализоваться-то правильно? Я тут человек новый, а карьеру надо делать. У меня договоренность есть с оперативной таможней, но им же надо подписанный акт проверки, чтобы они дело возбудили, так ведь? Да и дело по хищению они не могут возбудить, надо как-то состав контрабанды найти...

Андрей Иванович погладил бороду, снял очки, медленно и аккуратно их сложил и убрал в футляр, после чего произнес:

– Тут надо все обдумать. Давай завтра поговорим. Есть у меня одна идея.

Они попрощались. Даниил вышел, а Андрей Иванович Седов крепко задумался. Сразу после выезда Натальи Петровны ему позвонил хороший знакомый по фамилии Федоров и поинтересовался проверкой. Разговор тот начал издали, но в процессе дал понять, что люди готовы решать вопросы и им не нужны неприятности. На тот момент Андрей Иванович даже и предположить не мог масштаба обнаруженных злоупотреблений, поэтому пообещал взять на контроль и закрыть вопрос.

Федорова Андрей Иванович знал лет двадцать. Когда-то он даже был его начальником. Но, в отличие от умного и осторожного Седова, Федоров был глупым, жадным и наглым. Как говорится, наглость – второе счастье, поэтому лет десять Федоров в таможне продержался. Брал он непомерно – в конце концов со скандалом был уволен.

Однако с Седовым отношения остались. Федорову Андрей Иванович, несмотря на свою осторожность, отказать не мог. Во-первых, тот всегда предлагал много. Брать по мелочи Федоров просто не умел. Во-вторых, они дружили семьями, вместе отдыхали и даже дачи построили рядом. А в-третьих, когда Федорова поймали на горячем, он мог бы сдать подельников, но промолчал, из чего Андрей Иванович сделал вывод, что человек он надежный.

На нынешнем витке карьеры Седов практически перестал решать вопросы и брать взятки, единственным исключением был Федоров. Андрей Иванович набрал товарища и предложил встретиться после работы. Они договорились пообедать возле здания таможни.

Вечером Седов, добравшись до условленного кафе, обнаружил там возбужденного Федорова.

– Привет, дорогой! – не по годам резво вскочил тот из-за столика. – Что там с проверкой? Ты же насчет этого звонил?

– Плохо все. Там не просто. Закрыть не получится, – спокойно ответил Седов, пожав протянутую руку и садясь за столик. Пару секунд он не решался полностью усесться, так как стул выглядел слишком хрупким для его телосложения. Но мебель оказалась вполне надежной, и Андрей Иванович откинулся на спинку.

В это время к ним подошла официантка, и они на секунду примолкли. Она взяла у них заказы, после чего оставила их одних.

– Как не получится? Ты же обещал, что все решим. Я уже с пацанов двадцать тысяч евро попросил. Они, кстати, их и подвезли мне уже, – Федоров нарочито похлопал себя по внутреннему карману пиджака.

– На хера ты торопился? Там хищений из бюджета на ярд рублей. Просто так не закрыть, – покачал головой Андрей Иванович и посвятил Федорова в детали хищения.

– Да ладно? Надо порешать. Просто сумму увеличим. Тоже мне лоха нашли: за двадцатку евро такие вопросы закрывать! Тут можно и пятьдесят просить. Каждому! – процитировал тот «Операцию «Ы».

– Да погоди ты со своими полтинниками! Это все опер молодой раскопал. Он вообще, по-моему, идейный, – покачал головой Седов.

– Да брось ты! Дадим ему червонец, враз все идеи забудет. Не он первый, – напористо произнес Федоров.

Андрей Иванович крепко задумался. Уголовное дело ему было не особенно нужно. Показатель это был не его, в карьерном росте он не заинтересован, служить ему оставалось год до предельного возраста, так что дело он бы с удовольствием замаял. А на грядущую пенсию скопить хотелось. Дочери нужно было жилье, да и сын поступил в институт на платное обучение.

– Давай я завтра подумаю. Еще с опером этим поговорю, ему карьера, а не бабки нужны, по-моему, – Седов потер седые виски.

– Ну так с начальником его порешай. Он-то точно не идейный. Кто там сейчас за главного? – Федоров попытался включить профессионала.

– Да ты никого там уже не знаешь. А парень вообще из СПК, там только и ждут, чтобы им взятку предложили.

– Ну давай материалы проверки в вышестоящий орган передадим, там замутишь? – продолжал фонтанировать идеями Федоров.

– Ладно. Не учи ученого, – отрезал Седов. – Вечерком подумаю.

В этот момент принесли бизнес-ланч. Они быстро с ним управились, обмениваясь лишь короткими фразами. Официантка принесла две чашки кофе и счет, они расплатились и на этом расстались. Седов пошел дальше работать, а Федоров решил не откладывать дело в долгий ящик. Минут десять он покрутил в голове варианты разговора, поиграл в голове цифрами, выдохнул и набрал в секретном мессенджере нужный номер. Дождался ответа и, выдохнув для храбрости, произнес:

– Добрый день, Савелий Аркадьевич. Опять я. Встретился. Но все намного серьезнее. Там хищение бюджетных средств на миллиард. Мы так не договаривались.

– И что вы предлагаете? – прозвучал бесстрастный голос в телефоне.

– Там много людей в проверке участвуют. Надо отдать им триста тысяч. Евро, – Федоров сам зажмурился от своей наглости. Но шанс развести людей, укравших у государства миллиард, представился ему впервые, и он не хотел продешевить.

В ответ было молчание.

– Завтра жду вас с деньгами, иначе делу ход дадут, – добавил он. – До свидания, – с этими словами он отключился.

Савелий Аркадьевич в свою очередь набрал еще один номер и рассказал собеседнику о диалоге с Федоровым.

– Ты что, охерел совсем? Обещал же все закрыть! Решай, как хочешь, денег больше не дам, нашли булку с маслом! – в телефоне зазвучали гудки.

Савелий Аркадьевич со злостью отшвырнул телефон. «Вот дерьмо», – прошипел он сквозь зубы и резко вскочил. Походя по комнате, он чуть успокоился, поднял телефон и принялся кому-то звонить.

Глава 4

На следующий день Даниилу поступило неожиданное поручение от непосредственного руководителя.

– Смирнов! Ты же у нас полицейский, надо организовать поиск человека.

– Какого человека? Причем тут мы? – не сразу поняв, что от него хотят, переспросил Даниил.

– Друга, твоего Седова Андрея Ивановича ищем. А мы при том, что физическая безопасность сотрудников таможни входит в нашу компетенцию.

– А что с ним?

– Жена позвонила, сказала, что в десять вечера куда-то вышел ненадолго и с тех пор на связь не выходил. На телефон не отвечает. Давай, попробуй что-то сделать. В помощь дать кого или сам справишься? Вот установочные данные, – начальник протянул лист бумаги.

– Да сам справлюсь, – с легким сомнением ответил Даниил.

Он машинально взял у начальника справку, пошел в свой кабинет, налил себе чашку кофе и сел подумать. В его жизни и карьере была масса случаев, когда мужчины выходили вынести мусор или сходить за хлебом и возвращались через две недели. Но Андрей Иванович как-то не соответствовал их типу. И потом, их вчерашний разговор не шел из головы у Смирнова. Как-то не верил он в совпадения, но делиться мыслями было не с кем.

«Если не знаешь, что делать, делай шаг вперед», – услышал он в каком-то голливудском боевике. И хотя порой Даниил сомневался в верности этой фразы, зачастую делать шаг вперед было самым правильным решением. Он сверился со справкой и набрал телефон жены Седова. Та оказалась дома и согласилась его принять.

Следующим его абонентом стал товарищ из ФСБ. Тот выслушал просьбу пробить звонки и, таким образом, установить местоположение телефона Андрея Ивановича и пообещал вернуться через час. Больше Даниил ничего сделать пока не мог. Полиция в любом случае не приняла бы заявление, уж он-то знал, как им не нужны бессмысленные дела. К тому же девяносто процентов пропавших через три дня, проспавшись, появлялись. Но было важно поговорить с женой Седова, да и посмотреть камеры наружного наблюдения возле дома Андрея Ивановича было не лишним, и Даниил поехал в сторону его квартиры.

По дороге в секретном мессенджере пикинуло сообщение от эфэсбэшника. Он просил подъехать к Лубянке. Там они встретились в обычном месте.

– Звонков твоему сотруднику не было, видимо, через мессенджер связывались. В 22.15 выключился и больше на связь не выходил. В обычных мессенджерах пусто, наверное, секретные использовал.

– Ок, спасибо на этом, – начал вставать из-за столика Смирнов.

– Это не все. Час назад тебя на ПТП поставили.

– Меня? На прослушку? Кто? – Даниил не мог поверить этой новости.

– УМВД по Рязанской области.

– Ого. Спасибо.

– Давай. Аккуратнее, – эфэсбэшник встал и первым вышел из кафе.

Даниил крепко задумался. Как и почему им могли заинтересоваться рязанские полицейские, он не мог представить. Служебная деятельность предполагала возможный интерес ФСБ или ОБЭП по Москве и Московской области, но никак не Рязани. Да и в принципе, прослушивать его можно было только профилактически, так как Смирнов ни в чем замешан не был. И вообще на новом месте работы он не делал ничего значимого. «Неужели вчерашнее «ЦРК» тут как-то замешано?» – вдруг задался он вопросом. Исчезновение Седова, его телефон на про-

слушке – как-то все совпадало. Но гонять в голове параноидальные мысли не имело смысла, и Даниил поехал домой к Седову.

Дверь открыла ухоженная миловидная женщина, чуть страдающая избыточным весом. Глаза у нее были покрасневшие и опухшие. Даниил представился, та протянула руку:

– Галина. Проходите, – она сделала неуклюжую попытку улыбнуться, увидев довольно привлекательного мужчину моложе себя, но вместо этого вышла жалобная гримаса.

– Спасибо, я Смирнов, – он сбросил обувь и прошел в гостиную, обставленную хоть и небогато, но со вкусом. – Расскажите про вчерашний вечер.

– Да нечего особо рассказывать. Пришел Андрюша как обычно, поужинали. Тут звонок, он подскочил, сказал на полчаса переговорить выйдет. Ушел и все, ни звонка, ничего, – Галина начала всхлипывать.

– Во сколько это было? Звонок, ушел во сколько? – Даниил перевел разговор в практическую плоскость.

– Позвонили после девяти, я еще удивилась, кто так поздно. Вышел в десять с чем-то.

– Раньше такое бывало? Ну чтобы уходил надолго?

– Да нет, что вы. По молодости мог с рыбалки с друзьями на день позже вернуться. Но чтобы уйти вечером и не вернуться – никогда такого не было. Мы очень хорошо живем, – опять начала заводиться Галина.

– Во что одет был? – Даниил снова вернулся в профессиональное русло.

– Спортивный костюм. Серый. Кроссовки «Адидас». Белые с разноцветными вставками. Вы его найдете? – внезапно сменила она тему.

– Найдем обязательно, – внешне уверенно ответил Смирнов, испытывая сомнения. – Вечером вам позвоню. Если не объявится завтра, расширим поиски.

– Пожалуйста, – Галина умоляюще сложила руки у груди.

Даниил попрощался и направился в отдел полиции по месту жительства Андрея Ивановича. Там он достаточно быстро втерся в доверие заместителю начальника отдела, ответственному за уголовный розыск. Тот облегченно вздохнул, увидев родственную душу, которая не будет его страшить жалобами в прокуратуру и требовать прямо сегодня возбудить дело об исчезновении человека. Он дал команду дать доступ Смирнову ко всем видеозаписям из нужного микрорайона. Два часа ушло на просмотр всего, что было записано на камерах наружного наблюдения. Картина складывалась неоднозначная. Седов в 22.10 вышел из своего подъезда, прошел до угла дома, где заглянул в припаркованный легковой автомобиль и сел в него. Машина уехала, и на этом все. Было это романтическое свидание или похищение – ясности не добавилось. Единственное, что стало очевидно, это не попойка с соседями. Записав номер машины, Даниил поблагодарил полицейских и поехал в таможню. По дороге он через Славика Дьяченко пробил номер машины. Помня о прослушке, воспользовался мессенджером.

Машина оказалась записана на старого дедушку из Рязани. «Опять Рязань!» – озадачился Смирнов. Что-то его тревожило, но он не мог связать концы с концами. Какие-то рязанские чуваки похищают Седова, и тут же рязанские полицейские ставят его телефон на прослушку. Учитывая, что сам он в Рязани не был никогда, это выглядело крайне странно.

По дороге он отзвонился начальнику и доложил все, что знал к этому моменту, попросил его уделить полчаса на обсуждение ситуации.

Подходя к зданию таможни, он увидел двух неприметных мужиков. Один совсем плюгавый, второй чуть покрепче. Оба выглядели как типичные менты. Как ему однажды сказали старшие товарищи: «видишь человека, которому не идут усы, а он их носит – точно мент». Вот и в этих мужиках что-то выдавало их принадлежность к полиции. То ли взгляд, то ли манера держаться, но перепутать было невозможно. Увидев его, они перегородили дорогу и синхронно достали удостоверения работников МВД.

– Даниил Сергеевич?

– Я. А вы?

Они предъявили свои удостоверения. Тот, что поплотнее, был Кореньков, второй, плюгавый, – Плахотнюк. Оба в чине старших лейтенантов служили в УМВД по Рязанской области. Они бесцеремонно повернули его спиной, обыскали, забрали телефон и документы, затем защелкнули наручники на руках.

– В чем дело, мужики? – начал было возмущаться Смирнов, но жесткий тычок под ребра заставил его замолчать.

Они подхватили его под руки и потащили к новенькому полицейскому узику с рязанскими номерами. Но перед тем как усадить в отделение для задержанных, его с силой прижали лицом к машине. Руки, скованные наручниками, потянули вверх, после чего он почувствовал, что пальцы его правой руки прижимают к чему-то холодному и твердому. Тут же его втолкнули в «стакан», так в полиции именуют отсек автомобиля для перевозки задержанных, и машина поехала.

Пока они ехали по Москве, Даниил машинально фиксировал маршрут. С третьего кольца они свернули на Волгоградку, проехали МКАД и встали на Новорязанском шоссе. Стало очевидно, что они едут в Рязань. Было неясно, зачем. Но пропавший Седов, выставленная на Даниила прослушка, задержание рязанскими полицейскими, а главное, непонятное касание какого-то предмета пальцами правой руки оптимизма не добавляли.

«Думай, Даня, думай! Если это связано с исчезновением Седова, значит, причина – в «ЦРК». Это единственное, что меня с ним связывает. Видимо, правда, что крадут там серьезные деньги. И хотят замести следы. Или пугануть хотят ментами. Про меня им мог сам Седов сказать, могли в его планшете сообщения со сканами документов найти. А он с планшетом выходил или с телефоном? Надо было у жены его спросить. Тьфу, на хер надо было в Шерлок Холмса играть с документами этими?!» – начал Смирнов грызть себя. «Но почему менты? А если я их не испугаюсь? Почему просто бандитов не подослать? Видимо, боятся, что пропажа двух человек из одной системы вызовет. А так могут исчезновение Седова на меня повесить. К чему-то ведь они мои пальчики прикладывали?», – он продолжал лихорадочно перебирать версии происходящего.

Ничего определенного он не знал, но будучи сам выходцем из этой системы понимал, что менты явно реализовывали какой-то план. Тем временем они подъехали к старинному зданию отдела полиции. Узик припарковался на служебной стоянке, и Даниила повели вовнутрь. Здание было позапрошлого века, с красивыми фасадами, обезображенными решетками на окнах первого этажа.

«ФСБ победило МЧС», – машинально подумал Даниил. В их райотделе решетки на окнах появлялись и исчезали в зависимости от проверяющих. Пожарники настаивали на их немедленном снятии, ФСБ – на установке в целях борьбы с терроризмом. И те, и другие писали предписания и обещали строго покарать. Полицейский тыловик ни с кем не спорил, а просто в канун очередной проверки либо ставил, либо снимал. Тут, похоже, готовились к проверке ФСБ, поэтому решетки стояли на своих местах.

Опера прошли типичную, как и везде в России, дежурку, провели карточкой по новенькому турникету и потащили Даниила на второй этаж. По дороге Кореньков заглянул в кабинет начальника уголовного розыска. Сквозь дверь Смирнов услышал: «Взяли убийцу. Как и предполагали, тот самый москвич. Дебил, даже пистолет не скинул».

Ответа Даниил не расслышал, так как Плахотнюк его уже протолкнул дальше по коридору. Там его завели в неприметный кабинет, заваленный бумагами, коробками с вещдоками и прочей ерундой, валяющейся по углам, как и везде в полиции. Опера усадили его на стул посреди кабинета и начали шептаться между собой. Плюгавый достал его телефон и начал колдовать с кодом. Смирнов внутри себя чертыхнулся, что повелся на новую фишку и активировал на своем айфоне функцию распознавания лица. Играть в героя и не выдавать код доступа

к телефону с такой опцией не имело смысла. Можно было корчить рожи, высунуть язык, но айфон все равно его бы распознал. Так и случилось: плюгавый сел на стул и стал изучать содержимое смартфона.

По поведению Коренькова Даниил понял, что тот оформляет на него документы. Он и сам будучи полицейским, заполняя официальные документы, сверялся с образцами, чтобы потом не получить нагоняй от прокуратуры. Правда Смирнов делал это с помощью шаблонов, что существенно сокращало время, но тоже приносило дополнительные риски: иногда он начинал допрос условного Иванова, а в подлинности записанного расписывался условный Сидоров из прошлого шаблона. Рязанские полицейские работали по старинке и заполняли документ вручную.

– Сучара, у него все чаты настроены на самоудаление после нескольких часов. И Телеграм, и сигнал. В вотсапе только девки и мемасики, – доложил Плахотнюк.

– Хитрый сучонок. Таможенник! Они все, сука, хитрые. Коммерсы в погонах, мать их! – выругался Кореньков.

«Классовую ненависть ощущает», – машинально отметил Даниил. Примерно такие же чувства он сам испытывал к гаишникам. Да и таможенников он не особо любил, хоть вроде и был уже одним из них. Тут ему прилетело в ухо от плюгавого:

– Говори, зачем человека убил?

Даниил прекрасно понял свои перспективы. Его будут бить и довольно долго. Насколько сильно, зависело от договоренностей с местным изолятором временного содержания (ИВС), а также позиции начальства и прокуратуры. Сотрудникам ИВС не нужен задержанный с кучей травм, поэтому они вполне могли и провести освидетельствование. Тогда к операм бы появились вопросы. В его отделе позиция была четкой: «бейте кого и сколько хотите, но, если залетите, отмазывать вас не будем». Как было все устроено здесь, непонятно, но, как говорится, бери плохой конец – вытянешь хороший. Вариантов было несколько. Первый: уйти в незнанию. Плюсы: не надо думать; получай побои и молчи. Минусы: будет больно. Второй: поиграть с ментами в кошки-мышки. Бить тоже будут, но не сразу. Третий вариант – с требованием адвоката – годился только для детективов. Его размышления прервал стук в кабинет.

– Кореньков, Плахотнюк! Быстро форму надеть и в актовЫй зал. Нового начальника полиции привезли представлять. Через десять минут начало.

– Твою тубетейку, – выругался Кореньков. – Вместо Суходольского который? Откуда хоть?

– Хер его знает, вроде с Урала, – ответил невидимый голос из коридора.

Ничуть не стеснясь Даниила, опера начали переодеваться из штатского в форму. Переодевшись, они скептически посмотрели на него и вполголоса начали советоваться.

– Вниз его отведем? – спросил Плахотнюк.

– Да ну нах, у меня бумаги не готовы, а там его просто так не примут. А мы так и не решили, – голос Коренькова понизился до неразборчивого.

Он подошел к Даниилу сзади, резко выдернул из-под него стул, так что Смирнов завалился вперед, больно ударившись лицом о пол. Опер подтащил его к батарее центрального отопления, прижал коленом к полу и растегнул наручники с одной руки, потом завел цепь за трубу батареи и вновь сковал руки. Даниил не пытался сопротивляться, понимая, что из положения лежа ему ничего не сделать с двумя хоть и не особо крепкими, но стоящими на ногах операми.

Полицейские вышли из кабинета, закрыв за собой дверь на ключ. Смирнов первый раз в жизни порадовался несовершенству информационных технологий правоохранительной системы. Очевидно, если опера и заказали на него справку, она еще не была готова. Иначе ни один мент в здравом уме не оставил бы своего бывшего коллегу в наручниках БРС-2 одного в офисе. Смирнову приходилось оставлять задержанных в кабинете, но для этих целей у него был

неведомо кем ввернутый в стену под самым потолком крюк, на который он и цеплял наручники задержанных.

Даниил ни секунды не раздумывал над своими действиями. Явно живым из этой передряги его не собирались выпускать. Фраза про не скинутый пистолет, сказанная начальнику отдела, вопрос «зачем человека убил», а самое главное – металлический предмет, к которому прижимали его пальцы, не давала надежд на честное разбирательство. Через пять секунд после ухода полицейских Даниил уже сидел, спустя пятнадцать подтащил ногой пачку документов, соединенных канцелярской скрепкой, через минуту он ее разогнул, зубами загнул кончик длинной в пару миллиметров от края и начал колдовать с замком. Сначала пришлось помучаться с фиксатором, потом взяться за сам замок, но за пятнадцать минут Даниил справился. Он забрал со стола свой телефон и документы, после чего огляделся. Окно было без решеток и выходило во двор. То есть можно было, не привлекая внимания, вылезти.

Он начал было открывать окно, но тут в коридоре послышались громкие возбужденные голоса. «Похоже, начальника полиции представили быстро, у нас такое на час могло затянуться», – подумал Даниил. Он быстро окинул взглядом комнату и увидел в одной из коробок с вещдоками металлическую фомку, быстро схватил ее и улегся к батарее, спрятав ее под собой. Руки он заплел за трубой, так чтобы не видно было снятых наручников. Через несколько секунд в замке двери провернулся ключ и в кабинет зашел Кореньков. Он подошел к шкафу и начал переодеваться. Снимая штаны, он машинально повернулся спиной к Даниилу, подглядывавшего за ним снизу вверх. Дождавшись момента, когда Кореньков встал на одну ногу, Смирнов с фомкой резко вскочил, в один прыжок допрыгнул до повернувшегося к нему полицейского и со всей силы рубанул его по голове. Опер успел поднять руку, но удар был такой силы, что фомка с треском отбросила руку и впечаталась в череп Коренькову. Тот беззвучно осел на пол. Даниил тут же втащил его внутрь шкафа, прикрыл дверцу и встал за дверью, дожидаясь Плахотнюка. Тот появился через минуту, резко распахнув дверь и сделав два быстрых шага внутрь кабинета. Там он на секунду застыл, не увидев ни Коренькова, ни Смирнова. Даниил хотел его сначала допросить, поэтому ударил фомкой не по голове, а по правой ключице, характерный хруст и безвольно повисшая рука дали ему понять, что удар достиг цели. Он зажал Плахотнюку рот, параллельно захватив его левую руку. Но тот от боли и шока потерял сознание, поэтому опасаться его крика не приходилось. Даниил усадил его на пол, схватил со стола ключ, положенный туда Кореньковым, и закрыл дверь на замок.

Теперь надо было все обдумать. «Варианты... – вспомнил он заставку «Нашего Радио» из своего детства, – получить с плюгавого чистосердечное признание и вывести их на чистую воду?»

За пару часов он бы сломал любого. Но в чужом отделе полиции, где в любой момент его могут обнаружить, это делать было не с руки. «Вызвать сюда прокурора и фейсов? Но дождется ли он их? А если парни не одни работают? Меня точно при попытке штурма пристрелят.» – продолжал он мозговой штурм.

В это время в дверь требовательно постучали.

– Кореньков! К начальнику давай! Твоя очередь долей получать, – прозвучал молодой голос.

– Ага, – не своим голосом ответил Даниил.

«Так. Оставаться здесь нельзя. Через коридор уходить не стоит... Окно...». Он уже было направился к окну, но внезапно его остановила сверкнувшая мысль. Он оглядел стол Коренькова и нашел там полиэтиленовый пакет для вещдоков, внутри которого лежал ПМ. Явно его пальчики к нему и прикладывали. «Хер вам, а не вещдок!» – злорадно подумал он и сунул пакет в карман куртки. В это время Плахотнюк очнулся и начал было стонать. Допрашивать его было бессмысленно, и Смирнов не отказал себе в удовольствии с ноги зарядить ему в голову. Тот опять затих. Под окном был более или менее ровный газон, и Даниил, согнув ноги для

лучшей амортизации, прыгнул. Через минуту он уже шел по одной из улиц Рязани. Его побега, как ему показалось, никто не увидел, так что у него была форя во времени.

С руки он поймал старый жигуленок и за шесть тысяч рублей сторговался на поездку до своего дома. В дороге он лихорадочно перебирал варианты. Продажные полицейские из Рязани были проблемой, но он понимал, что их можно переиграть. Вещдока у них больше не было, вероятное убийство Седова было на него сложно повесить. Другое дело, кто еще стоял за «ЦРК» и на что они могли пойти. Но двое искалеченных ментов гарантировали ему арест. Доказать их ангажированность из СИЗО он бы не смог, так что перспективы были не радужные. Выход рисовался один. Бежать подальше, потом думать.

Вскоре он подъехал к своему дому, вышел у соседнего подъезда и осмотрелся. Все выглядело спокойным, и он, расплатившись с таксистом, метнулся в квартиру за ключами от «Наварры» и набором вещей. Все вместе поместилось в маленький чемодан для ручной клади, и через десять минут он выехал со двора. Тут зазвонил телеграм на его телефоне. Это был Славик Дьяченко.

– Да, – произнес Даниил.

– Братан, это шутка такая у вас в таможне? Тебя только что в федеральный розыск объявили.

– Славик, меня подставили. Просто поверь. Не могу говорить, давай, – Смирнов сбросил звонок.

Ситуация ухудшалась: менты хоть и отставали, но время зря не теряли. Даниил метнулся к банкомату и снял все деньги с карт, хоть и было их на счетах немного, но оставлять их там не имело смысла. Затем он заехал в лесополосу и схоронил там ПМ. Следующим шагом было разобраться с номерами. Ведь еще несколько часов – и начнут искать его машину. Все эти «Потоки» на трассах четко отслеживали номера машин в розыске. Смирнов достал лейкопластырь из аптечки и заклеил несколько элементов цифр, превратив «0» в «с», «4» в «1» и так далее. После этого он задумался. В один день он из законопослушного гражданина превратился в находящегося в федеральном розыске преступника. По-хорошему – ему надо было бы бежать за границу, так как в России прятаться ему было негде. Но его загранпаспорт лежал в сейфе начальника отдела.

«Была не была», – подумал Даниил и поехал на работу. Уже был глубокий вечер, стемнело, и вечерняя Москва сияла огнями. Через полчаса он припарковал машину и набрал оперативного дежурного. Если кому-то в таможне и сообщили о розыске Даниила, то это должно было пойти через этот канал.

– СПК, Петров, – на всякий случай представился он другим именем. – Доложите обстановку.

– Здравия желаю. Происшествий нет.

– Спасибо, отбой, – Даниил повесил трубку. Видимо бюрократическая машина еще не провернула все свои колеса.

Даже если дежурный и заподозрил что-то неладное, связываться с СПК обычно никто не хотел. Этим Смирнов и собирался воспользоваться. Он подошел к двери таможни и позвонил. Спустя минуту ему открыл дверь сотрудник отдела таможенной охраны. Таможенная охрана, по разумению Даниила, была самым бесполезным отделом в таможне. Если где-нибудь на пограничной таможне служба охраны была полезна и иногда необходима, то в центре Москвы она была абсолютно бессмысленна. Если и попадались контрабандисты, то с ними разбирался СОБР оперативной таможни. Зачем содержать кучу здоровых лбов, вооруженных до зубов, Даниил не понимал. С пропускным режимом мог вполне и ЧОП справиться, ну или Росгвардия, наконец. Парни зверели на работе, так как происшествий не было, и они чувствовали свою бесполезность. Некоторые отрывались на посетителях, предлагая оформить пропуск на материальные ценности на любой портфель с ноутбуком. Подарки, заносимые сотрудникам,

они просто не пропускали, конечно, если они не предназначались начальству. Некоторые не щадили коллег за поздние появления или ранние уходы. Другие фанатично занимались спортом. Но многие вечерами выпивали. Такой сотрудник и открыл дверь Даниилу.

В течении пяти минут он был раздавлен перспективами своего будущего увольнения, потом внезапно прощен, так что он выдал Даниилу ключ от кабинета начальника, даже не поняв этого. На счастье Смирнова, начальник его отдела не очень серьезно относился к сейфу, понимая, что именно там нельзя хранить ничего важного, и ключ от него держал в столе. Через тридцать секунд заветный документ был у Даниила в кармане.

Смирнов как честный сотрудник написал заявление об отпуске за свой счет и положил его на стол начальника. Как там повернется, он не знал, но совсем портить коллегам жизнь он не хотел. Пропавший без всякой причины сотрудник – это головная боль для отдела кадров. А так – в отпуске человек, мало ли что он при этом в федеральном розыске! Глядишь, и не сразу уволят за прогулы, а там и справедливость должна восторжествовать.

Через десять минут Смирнов сидел в своей машине с загранпаспортом в кармане, но с полным отсутствием понимания перспектив. Единственное, что ему пришло в голову, это метнуться к Белорусскому вокзалу. Несмотря на поздний вечер, там нашелся узбек, торгующий сим-картами. Даниил купил несколько штук разных операторов. Вытащив свою симку из телефона, засунул туда первую попавшуюся. В терминале оплаты он положил на счет сим-карты тысячу рублей и вновь принялся думать.

Глава 5

Решение пришло само собой. Беларусь. Даниил точно знал, что федеральный розыск, объявленный в России, на Беларусь не распространяется, так что искать его там смогут только по отдельному запросу. Батяка явно тормозил с интеграцией силовых структур, отстаивая свою независимость. То есть из Беларуси всяко больше шансов пересечь границу и выехать в дальнее зарубежье. Да и времени для принятия решения будет побольше. Ведь денег у него было тысяч пятьдесят, что для побега за границу явно маловато. Оставаться в России и доказывать свою невиновность Даниил опасался. Очевидно, он столкнулся с целой мафией, которая легко пошла на убийство и обладала связями во властных структурах, судя по поведению рязанских ментов. Объявление в федеральный розыск звучало грозно, но Смирнов знал, что ежегодно в России в розыск объявляют сто тысяч человек и никто особо ставить на уши органы не будет. А раз так, то план «Перехват» для поиска его «Наварры» никто ставить не будет, и с измененным номером он спокойно сможет выехать из Москвы.

Сказано – сделано. Лишних переживаний по поводу уже принятого решения Смирнов не любил. Под утро Даниил проехал Смоленск и притормозил на заправке. Залив полный бак, запасшись водой и снеками, он подошел к водителям грузовиков с белорусскими номерами, переливавшим друг другу солярку. Это был вечный вид товаро-денежного обмена. Водители, пашущие на хозяина, всеми силами экономили солярку и продавали ее за полцены водителям, работавшим на себя. Пятнадцатый канал радиостанции, стоявшей у него в «Наварре», через каждые пару минут взрывался возгласами типа: «отдаю солярку, двести литров, на «Лукойле», в сторону Москвы». Какие-то работодатели начинали поддушивать водителей, ставили датчики, GPS-трекеры, замки на бензобаки, но все было тщетно. Если грузовики переводили на газ, водители увольнялись целыми автопарками. Так это все и работало годами.

– Здорово, мужики. Скажите, посты на всех дорогах стоят, или можно объехать?

– Не. Объехать никак. Последнюю дорогу месяц назад перекрыли. На вертолете, сволочи, летали и все дороги вычислили. Но если через Краснинское поедешь, там только погранцы стоят, сильно не трясут. Таможенников нет, колхозников тоже.

– Спасибо, мужики. Доброй дороги.

– И тебе ни гвоздя, ни жезла!

«Колхозниками» водители называли сотрудников Россельхознадзора, занимающихся контролем карантинных и ветеринарных грузов, борющихся с санкционными товарами. Смирнова они не пугали, опасность могла исходить от гаишников, которыми могли усилить пограничные посты. Даниил хотя и не верил, что ориентировку на него уже разослали на пограничный с Беларусью пост Минского шоссе, решил поехать лесной дорогой. Когда-то – в самом начале санкций – инспектор Россельхознадзора затормозил его на Минском шоссе с кузовом, полным оленьими тушами, и выпил ему всю кровь. «Только пять килограммов в заводской упаковке можно вывозить из иностранного государства! А тут? Тонна! – возмущался дядька в сером мундире. – А вдруг чума свиней? Не пушу», – продолжал он орать на Смирнова. «Дядя, какая чума свиней? Это олени. Травоядные. А Беларусь нам – братская республика, а не иностранное государство!» С этими словами Даниил сверкнул удостоверением сотрудника полиции и спокойно поехал дальше. Но на будущее он спрашивал дальнбойщиков по рации, где кто стоит, и спокойно объезжал Россельхознадзор лесными дорогами. Но сейчас еще и пограничники взялись контролировать границу, боясь нелегалов с Украины.

Переставив точку назначения, Даниил тронулся в путь. Дорога вскоре из убитой асфальтированной превратилась в грунтовку. Километров за десять до границы с Беларусью он вдруг уткнулся в шлагбаум пограничной службы. Почему он был задолго до границы, Смирнову было неясно. То ли сходились несколько дорог в этом месте, то ли лень было дальше электриче-

ство тянуть. Вообще погранслужба для Даниила была самой непонятной структурой. Больше всего его умиляло название постов перед границей. Еще с советских времен они все назывались «ЧШ», что дословно означало «часовой на шлагбауме». Как Смирнова заверил знакомый пограничник, так они и поныне именовались: ЧШ-1 – у первого российского столба с гербом – до ЧШ-7 – километров в тридцати от границы.

Заспанный пограничник записал данные его паспорта в журнал и отмотал веревку шлагбаума, пропуская «Наварру». «Граница на замке. А ключ от замка...», – ухмыльнулся Даниил. Напряжение немного отпустило, и он съехал на отворотку дороги, разложил сиденье и вырубился. Хотя он и старался не думать о тяжести своей ситуации, стресс его вымотал.

Ближе к полудню он проснулся из-за неудобной позы, выскочил наружу, попрыгал, вращая руками, разгоняя кровь, и тронулся в путь. Ехал он в Полоцк, к своему старинному приятелю, с которым охотились. Приятеля звали Василий, работал он егерем в охотхозяйстве, но из-за городского происхождения занимался приемом гостей из России и Европы, оформлением им разрешений на ввоз оружия и так далее. Он был постарше Смирнова, но были они на «ты».

Василий с третьего гудка ответил на звонок с незнакомого номера.

– Слушаю, – произнес он с характерным белорусским выговором.

– Вася, привет. Это Даниил.

– О, а то я смотрю номер незнакомый. Чего на лис зимой не приехал? Осенью же говорил, приедешь. Мы столько добыли в этом году... – сел было на своего конька егеря.

– Погоди, Василий, потом расскажешь. Могу к тебе приехать?

– Конечно, приезжай. Только охота закрыта, – опять принялся за свое Василий.

– Я не по охоте. Дело у меня в Белоруссии есть, – перебил его Даниил.

– Ну приезжай, конечно. Когда ждать тебя?

– Да я уже в Витебской области. Пару часов до Полоцка осталось.

– Ну ты даешь! Подъезжай, я тоже дома к этому времени буду.

Даниил завел машину и поехал. Грунтовка, как по мановению волшебной палочки, сменилась на приличную асфальтовую дорогу аккуратно после пограничного столба. В деревнях на Смирнова смотрели одинаково чистенькие покрашенные заборы. Богатства особого не было, но и разрухи, как в средней полосе России, тоже не наблюдалось. Сельское хозяйство Беларуси явно процветало: все поля были или распаханы, или чем-то засеяны. Дороги были хоть и узкие, но ровные, а ездили белорусы на загляденье аккуратно и вежливо. Увидев в зеркало заднего вида быстро нагоняющий их автомобиль, водители прижимались к обочине и пропускали его, не вынуждая выезжать на встречную полосу для обгона. В России так делали единичные водители-дальнобойщики, остальные упрямо ехали по середине дороги.

Через два часа Даниил стоял у дома Василия в пригороде Полоцка. Город состоял из нескольких непохожих частей, еще и разделенных Западной Двиной. Исторический центр – с парками и соборами, пригород – с советскими новостройками, все остальное составлял частный сектор. Еще был какой-то мифический Новополоцк, но Смирнов так никогда и не побывал.

За время движения к Полоцку в голове появилось много неоформленных идей. Смирнову было важно объяснить со своим начальством. Даниил написал сообщение, объясняющее ситуацию, в секретном мессенджере для Петрова. Он не особенно рассчитывал, что тот сможет защитить его профессиональную репутацию, но хотя бы как человек в нем не разочаруется. Через пару минут телефон пиликнул сообщением: «Да уж... Устроил ты нам. С утра тут концерт происходит. Менты, прокуроры, фейсы, СК. Генералов из главка больше десятка понаехало. Они всерьез считают, что ты Седова убил».

То, что Седов мертв, Смирнов понял еще в Рязани. Просто так взрослые люди из дома не пропадают. Да и разговоры оперов говорили о том же. Кто его убил и из-за чего, Даниил

не до конца понимал, но открытие, сделанное им в офисе ЦРК, явно имело к случившемуся отношение.

Через полчаса показалась «Нива» егеря. Высокий и сухощавый Василий был одет в камуфляж и резиновые сапоги. На плече был шеврон охотничьего ведомства, голову украшала форменная кепка. Они обнялись и пошли в дом. Обед в кругу семьи Василия с традиционными картофельными драниками и холодной медовой с перцем водкой всегда приводил Даниила в восторг. Такой же восторг вызывали и все белорусские продукты – натуральные, без заменителей.

После трапезы вышли на улицу. Вечер был на редкость теплым, вокруг весна уже вступала в свои права. В соседних дворах неспешно перелаивались собаки, вокруг щебетали птицы. Василий присел на лавочку и взглянул на гостя.

– Чего приехал-то? – без обиняков спросил он.

– Проблемы в Москве. Машину мне продать надо, – ответил Даниил. Он не стал грузить Василия своими проблемами, зная, что тот и не станет допытываться.

– Дело не хитрое. Но, вообще-то, наоборот – наши ездят в Россию машины продавать, там цены лучше. Народ-то у нас победнее.

– Знаю. Но мне срочно. Сможешь найти кого?

– А чего искать? У нас вообще-то интернет на это есть. «Авито» то же самое, что и в России.

– Но мне доллары нужны.

– Ну пойдешь в банк и поменяешь. Делов-то!

Даниил ничего не ответил. Они постояли еще минуту, после чего пошли в дом. Там еще выпили, повспоминали охотничьи истории, поиграли с Васиными детьми и женой в подкидного дурака и разошлись спать.

Утром Смирнов проснулся от чудесных запахов, доносившихся из кухни. Даниил невольно позавидовал Василию и его семейной жизни. Сам-то он вырос без примера партнерских отношений, оттого, наверное, и с женой у него не сложилось. Ему бы, конечно, хотелось когда-нибудь обзавестись нормальной семьей. Но сейчас размышлять о новой жене и детях было совсем неуместно.

– Доброе утро, Даня. Иди уже завтракать, – повернулась к нему хозяйка, смахнув бисеринки пота и прядь волос, прилипших ко лбу.

– Доброе утро. Спасибо. А Василий?

– Та ни свет ни заря умчался. Волки в его участок зашли, окладывать поехал, – с этими словами жена Василия поставила перед гостем тарелку с яичницей. К ней шли толстые куски жареной докторской колбасы.

Даниил умял все поставленное, запил чашкой растворимого кофе, горячо поблагодарил хозяйку и принялся писать объявление. Пришлось поломать голову над ценой. Новый белорусский рубль шел один к тридцати российским, так что русский миллион означал всего тридцать три белорусских тысячи. Но столько бы ему за старую «Наварру» не дали, и он поставил цену в двадцать тысяч местных рублей, хотя и выглядело это издевательски мало.

Закончив с объявлением, Даниил решил заняться прояснением своей ситуации. Он забил в поисковик название холдинга «Центр ресурсной комплектации», с безопасниками которого довелось познакомиться. Все открывшиеся ссылки указывали владельцем структуры некоего Александра Домогарова. На одних ресурсах его называли однопартнером президента, на других – его сослуживцем, третьи писали, что он никто и взялся ниоткуда. Но везде было одно и то же: рейдерство, корпоративные конфликты, госзаказы. Пара историй даже связывала его с откровенным криминалом. Первая – касалась исчезновения директора завода, который вскоре после этого был выкуплен у вдовы Домогаровым. Некоторые авторы описывали его чуть ли не как «белого рыцаря», спасшего вдову от разорения рейдерами, другие, более убедительные,

писали о том, что все это он и организовал. В более свежей истории описывался корпоративный конфликт с партнером, совладельцем федеральной сети медицинских клиник, Сергеем Варганяном. Там был и проигранный Домогаровым арбитражный суд, и покушение на Варганяна, и уголовное дело на него же по обвинению в мошенничестве. «Так себе партнер», – отметил Даниил. «Да, впрочем, и врага такого себе не пожелаешь», – мелькнула следующая мысль.

Чуть погода позвонил Василий.

– Ну как ты там? Продал машину?

– Нет еще, только объявление повесил.

– Ну и хорошо. Мы стаю волков обложили, приезжай срочно. Пока не стемнело, будем загон делать.

«Волков» в белорусской интерпретации прозвучало как «воукоу», так что Даниил не сразу понял, о чем речь, но, осознав, мгновенно отозвался:

– Скидывай точку, куда ехать.

– Не, ну не так быстро. На базу нашу езжай. Там тебе карамультик подберем и одежонку какую. Не в джинсах же в лес пойдешь.

Охота всегда была для Даниила отдушиной. На ней не важно, кто ты и какое положение занимаешь. Охотники судят друг о друге по способности выследить зверя и, не спугнув его, добыть. От предложений поохотиться Даниил никогда не отказывался, а охота на волков была его давней мечтой. Всю свою охотничью карьеру он грезил об этом. С отцом они ездили только на коммерческую ловлю; повзрослев, Даниил не мог уделять много времени на свое увлечение и выбирался только на выходные. А волк – такая зверюга, что сегодня здесь, завтра через пятьдесят километров, и привадить его практически невозможно.

Несколько раз он видел, как охотники воем пытаются подманить волка; стоял рядом с вабильщиком, но не дожидался выхода зверя. Бывало, посреди недели ему звонили и сообщали, что волк в окладе и надо выезжать, чтобы к утру охотиться. Но всякий раз оказывалось, что с работы не отпроситься, и охота пролетала мимо.

А тут прямо-таки легла карта. И надо же, случилось это в такой момент, когда у Смирнова в одночасье рухнула карьера, испортились отношения с законом, и сам он оказался загнанным в ловушку! В положении, когда половина ориентиров у Смирнова была потеряна, ему крайне важно было оказаться в понятной для себя ситуации. Природа, оружие, зверь, охотник – все как в каменном веке. Добыл – молодец, не добыл – возвращаешься в пещеру голодный.

Через сорок минут Даниил был на охотничьей базе. Она, как и все в Беларуси, принадлежала Управлению делами президента. Хотя Батка там ни разу не был, существовал президентский домик, в который селили только важных гостей. Смирнов разочек туда заглянул из интереса. Было богато, но мрачновато: огромный бильярд, резные тяжелые кресла, невероятное количество чучел. В большом гостевом доме было намного веселее, там всегда была куча народа.

На стоянке базы уже скопилось машин десять. Охота на волка была общим делом, и любой считал своим долгом принять в ней участие. Даниил припарковался и вышел к охотникам. Некоторых он знал, но большинство – нет, поэтому улыбался всем и радушно здоровался.

– Быстро ты! А мы еще народ ждем. Человек десять еще надо, чтобы линию стрелков выстроить. Большой загон получился, – пояснил ему подошедший Василий.

– А смогут? Будний день ведь.

– Тут такое дело, все поймут. И начальство, и семьи. Ведь один волк в год тонну мяса съедает. Вот мы обложили пятерых сегодня, считай тридцать-сорок оленей спасем.

– Ну не спасете, а сами добудете, – улыбнулся Даниил. – Чего мне дадите?

– Мою двустволку бери. Я с карабином встану. И пойдем тебе одежду подберем.

Смирнов немного удивился готовности Василия дать ему свое ружье. Белорусы были на редкость законопослушными гражданами. В отличии от россиян, они поголовно чтили и

блюли все законы. То ли близость к Европе, то ли страх перед Батькой, но российского нигилизма у них не было. Раз в несколько лет кого-то из белорусских знакомых Даниила сажали. То директора базы – за недостатку провизии, то егеря – за браконьерство. То ли Вася обрусел, то ли особым доверием хотел поддержать друга, но Даниилу без лишних страхов выдали старую вертикалку и горсть картечных патронов.

Распорядитель охоты сообщил всем правила: «Зверя пропускать, стреляем только волка. Напоминаю, стреляем только по видимой цели. Карабинеры в сторону, остальные тянут спички». Все охотники с гладкими стволами бросили жребий. Половина пошла в загон, Даниилу выпало стоять на номере.

Через полчаса он уже был на дороге. Номер ему попался удачный: поперек пути шла ложбинка с редким кустарником; вокруг был молодой сосняк, но довольно редкий, так что обзору не мешал. А главное, в глубине ложбинки, примерно в двадцати шагах от номера, шла натопанная тропа. По всему выглядела кабаньей, так как вдоль нее кое-где была разрыта земля. Пойдет ли волк кабаньей тропой, Смирнов не знал, но наличие ее говорило о проходимости участка. Это было хорошо, ведь сколько раз его, как молодого, ставили на заведомо бесперспективные участки, например, напротив непроходимого болота! Даниил старался не шуметь, вслушивался в каждый шорох, а потом выяснялось, что зверь к нему мог попасть только на вертолете. Потом, с опытом, понял, что хороших номеров во всей стрелковой цепи всего два или три, остальные ставят на всякий случай.

Но сегодня егеря точно расставлял номера не по благу. Смирнов внимательно огляделся, определил сектор обстрела. Потом расчистил землю под ногами, чтобы, переступая с ноги на ногу, случайно ничем не хрустнуть. На росшей рядом березе он сломал пару веток, закрывающих обзор. Потом осмотрел патроны, выбрал два, заряженных картечью, на всякий случай взял те, которые выглядели поновее.

Вскоре вдалеке прозвучал выстрел загонщика, обозначающий начало охоты. Время шло томительно. Кроме шелеста крон деревьев от легкого ветерка да пения ранних весенних птиц, было абсолютно тихо. Но вдруг птичьи голоса стали чуть более встревоженными. Да и звук леса стал другим – что-то трещало в кустах. Смирнов вскинул ружье и изготовился к стрельбе. В дальней части ложбинки показались тени. Еще через несколько секунд Даниил увидел кабанье семейство – свинью с пятком прошлогодних поросят. За ними бежали две свиньи средних размеров. Охотника они не почуяли, а услышать его было невозможно. Бежали они громко, посапывая и подхрюкивая. Это был хороший знак. Кабаны достаточно хорошо чувствуют запахи, и раз они побежали этой тропой, она и волкам могла показаться безопасной. Да и запах кабаньего стада надолго забивал все остальные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.